
ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ВАСИЛЕВА.

Присоединение Рязани къ Москвѣ. Заключеніе К. Шемякина. Ханъ Крымскій взялъ Астрахань. Злодѣйства въ Казани. Бѣсѣдѣ Крыма. Ханъ Сайиетъ-Гирей. Походы на Казань. Посприженіе Великой Княгини. Новый бракъ Великаго Князя. Сваденія съ Римомъ, съ Императоромъ Карломъ V. Перемиріе съ Литвою. Дружество съ Гуславомъ Вазою. Посольства Солимановы. Набѣгъ Крымцевъ. Рать на Казань. Новый Царь въ Казани. Заточеніе Шигъ-Алея. Рожденіе Царя Иоанна Василіевича. Посольства Астраханскія, Молдавскія, Ногайское, Индийское. Набѣгъ Крымцевъ. Болѣзнь и кончина Великаго Князя. Характеръ Василіевъ. Строгость и милость. Дѣло Максима Грека. Жалобы на Великаго Князя. Образъ жизни Василія, охота, Дворъ, обѣды, тиличуль. Иноzemцы въ Москвѣ. Законы. Строенія. Церковные дѣянія. Разныя бѣдствія. Великіе современники Василіевы. Раскольничьи Люшеровъ.

Г. 1521 — 1534.

Распространить Литовскою войною предъ-
лы Государства, Василий въ то же время ¹⁵¹⁷ _{— 25.} довершилъ великое дѣло Единовласія ви-
тири оного. Еще Рязань была особеннымъ
Княжескимъ, хотя престъ городовъ ея, часть
умершаго Князя Феодора, принадлежала къ
Московскому и Василий уже имелъся Ра-
занскимъ²³⁴. Еще Князья Свѣрскій и Старо-
дубскій или Чернigовскій, называлось слугами
Государя Россійскаго, имѣли права Владѣ-
лѣнія. Василий, исполнитель Іоанновыхъ намѣ-
реній, жаль только спровадившаго повода
къ необходимому уничтоженію сихъ остан-
ковъ Удѣльной Системы.

Вдова, Княгиня Агриппина, илько лѣтъ <sup>При-
соеди-
неніе
Ряза-
ни къ
Мо-</sup>
господствовала въ Рязани именемъ своего
малолѣтнаго сына, Іоанна²³⁵: Василий оспа-
влять въ покоръ слабую жену и младенца, ^{сквѣ.}
ибо первая во всемъ повиновалась ему какъ
верховному Государю; но сынъ ея, досчи-
гнувъ юношескаго возрасла, захопивъ вдругъ
свергнуть съ себя онеку и матери и Бели-
каго Князя Московскаго: что есть, властво-
вашъ независимо, какъ его предки, старѣ-
шие въ родѣ Ярослава ²³⁶. Пишутъ, что
онъ торжественно объявили сіе Василию,
вступивъ въ тѣсную связь съ Хакомъ Крым-
скимъ и мыслилъ женившись на дочери
Магмены-Гиревої²³⁷. Государь вельть ему
быть къ себѣ въ Москву: Князь Іоаннъ дол-
го не вѣхъ; наконецъ, обманутый союзникъ
значимѣйшаго Боярина своего, Симеона Кру-

Г. бина, явился предъ Василемъ, копорый, учи-
1517 чивъ его въ неблагодарности, въ измѣнѣ,
— 25. въ дружбѣ съ злодьями Россіи, ошдали подъ
спражу, взяль всю Рязань, а вдовствующую
Клягиню Агриппину сослали въ монастырь.
Сіе случилось въ 1517 году³⁸. Когда Маг-
метъ-Гирей шелъ къ Москвѣ, Князь Иоанъ,
пользуясь общимъ смятеніемъ, бѣжалъ от-
пуга въ Липву, где и кончилъ жизнь въ
неизвѣстности³⁹. — Такимъ образомъ, около
четырехъ спольтій бывъ ошдальнymъ, не-
зависимымъ Княжениемъ⁴⁰, Рязань въ сіѣдь за
Муромомъ и за Черниговомъ присоединилась
къ съвернымъ владѣніямъ Мономахова по-
томства, копорые сославили Россійское Еди-
поджавіе. Она считалась тогда лучшою и
богатѣйшею изъ всѣхъ областей Государ-
ства Московскаго, будучи путемъ нашей
важной торговли съ Азовомъ и Кафою, изо-
билия медомъ, птицами, звѣрями, рыбою,
особенно хлѣбомъ, такъ, что пивы ея,
по выражению Писателей XVI вѣка, казались
густыми лѣсомъ. Житіе славилось воин-
скимъ духомъ; ихъ упрекали высконуміемъ
и суровостію. Чтобы мирно господствовать
надъ ними, Великій Князь многихъ пер-
евезъ въ другія области⁴¹.

За-
млю-
ченіе Кн.
Ше-
мяки-
и
ва.

Князь Василій Шемякинъ Съверскій оп-
личался доблестію воинскою, быть ужа-
сомъ Крыма, ненавистникомъ Липвы и вѣр-
нымъ спражемъ южной Россіи: за что Ве-
ликій Князь оказывалъ ему милости и даялъ

городъ Путинъ¹¹², но опасался и не любилъ Г.
его, во первыхъ помил ужасный характеръ^{1517.} — 25.
хъда Василіева, Димитрія, а во вторыхъ
зналъ беспокойный духъ вину, смылаго, над-
мешаго своими достоинствами · для того
неусыпно наблюдалъ за нимъ и сътайнымъ
удовольствіемъ видѣть непримиримую, вза-
имную злобу Князей Съверскихъ, Шемякина
и Василія Симеоновича Стародубскаго, же-
ншаго на своячинѣ Государевой. Послѣдній
доносилъ, что первый ссылается съ Королемъ
Сигизмундомъ и мыслишь измѣнить
Россіи ; а Шемякинъ требовалъ суда и пи-
салъ къ Великому Князю : «Прикажи ми,
«холопу своему, бытъ въ Москвѣ, да оправ-
«даюсь изустно, и да умолиеніе вавеки кле-
«ветникъ мой. Еще отецъ его, Симеонъ,
«засловилъ меня: съѣхъ хвалился безстыд-
«ствомъ и говорилъ: уморю Шемякина, и ш
«самъ заслужу гнѣвъ Государевъ. Изслѣдуй
«дѣло: если я виновенъ, то голова моя предъ
«Богомъ и предъ тобою^{113.}» Въ Августъ
1517 года онъ прѣѣхалъ въ Москву; на дру-
гой день, въ праздникъ Успенія, обѣдалъ съ
Государемъ у Митрополита, совершенно опра-
вдался и хощъ, чтобы ему выдали лжи-
выхъ доносителей. Ихъ было двое : одинъ
слуга Князя Проинскаго, другой Стародубска-
го, которые будто бы въ Новѣгородѣ Съ-
верскомъ и въ Липѣ узнали о минной измѣнѣ
Шемякина. Государь вѣльть выдать пер-
ваго доносителя : вѣорато же объявилъ не-

Г. виннымъ. Шемякинъ съ честю и съ новымъ
1517 жалованьемъ возвратился въ область Свер-
—23 скую , гдѣ властевала спокойно еще пять
летъ , переживъ своего злодья , Стародуб-
скаго²⁴⁴. Но въ 1523 году возобновились по-
дозрія : письменно обнадеженный Госуда-
ремъ и Митрополитомъ въ личной безопа-
сности , Шемякинъ вторично явился на судъ
въ сполицу , былъ обласканъ , а чрезъ иѣ-
сколько дній заключенъ въ ташину , какъ
умицій въ шайной связи и перенесъ съ
Ливовою . Сомнѣвались въ испинѣ сего об-
виненія ; разсказывали , что одинъ умный шутъ
въ Москвѣ ходилъ погода изъ улицы въ улицу
съ мѣлою и кричалъ : время очистить Го-
сударство отъ посѣдняго сора , ипо есть ,
избавить оное отъ посѣдняго Князя Удељ-
наго²⁴⁵ . Народъ смѣлся , разгадывалъ остро-
умную притчу . Другіе осуждали Государя и
въ особенности Митрополита , который
обманулъ Шемякина своимъ ручательствомъ
²⁴⁶ . Не за-долго до сего времени Варлаамъ ,
благочестивый , твердый и не льстецъ Ве-
ликому Князю ни въ какихъ случаяхъ про-
шливыхъ совѣсти , долженъ быть осправить
Митрополію : на мѣнио его избрали Даниила ,
Игумена Іосифовскаго , молодаго , придати-
тельнаго человѣка , свѣжаго , румянаго лицемъ ,
ищущаго вѣломъ и пюнкаго умомъ²⁴⁷ . Думая
о политическихъ выгодахъ болѣе , нежели о
Христіанскихъ добродѣянияхъ , Даниилъ опра-
вѣдалъ заключеніе Шемякина и говорилъ , что

Богъ избавилъ Великаго Князя отъ внушиения го, домашаго врага²⁴⁸. Не такъ мыслилъ Игуменъ Троицкій, Порфирій, мужъ воиниав-
ный въ пустынѣ и въ простыхъ обычаяхъ: онъ торжественно и смило ходатайствовалъ за гонимаго Князя, беззаконно оплягаемаго цѣпями; прогибалъ Государя, и сложивъ съ себѣ одежду Игуменскую, удалился въ лес-
ную пустынѣ на Белоозеро²⁴⁹. — Шемякинъ умеръ въ шеманицѣ. Онь супруги его, при-
везеній въ Москву, отлучили всѣхъ Боя-
ръи, кошорыя сославили ся пыній Дворъ²⁵⁰. — Синь навсегда пресыпалась Удѣ-
лы въ Россіи, хотя не безъ насилия, не безъ
личныхъ жерпivъ и несправедливостей, но
безъ народнаго кровопролитія. Въ самыхъ
благихъ, общеполезныхъ дѣліяхъ государ-
ственныхъ видимъ примесь спраспей человѣ-
ческихъ, какъ бы для того, чтобы Цар-
ствія не представляла намъ идоловъ, будучи
Исторію людей или несовершенства.

Обратимся къ дѣламъ виѣшимъ. Вмѣсто
того, чтобы наказать Магменъ-Гирея за
опустошеніе Россіи, Великій Князь желалъ
какъ можно скорѣе съ нимъ примириться.
Походъ на Тавриду казался опаснымъ и бе-
зполезнымъ: даль, степи, пустыни изпурчи-
бы войско, и самый счастливый успехъ до-
спавиль бы намъ только скучную добычу:
въ слѣдующее лѣто Крымцы могли бы сво-
ва явившись въ нашихъ предѣлахъ. Политика

Г.
1517
— 25.

г. Великокняжеская ограничивалась Литвою :
1517. тамъ видѣли мы прочныя, естественныя,
23. — языкомъ и Вѣрою утверждаемыя пріобрѣ-
тенія, нужныя для могущества Россіи ; все
другое относилось единственно къ сей цѣли.
Посоль Василіевъ, Наумовъ, еще оспавался въ
Тавридѣ и предлагалъ Хану миръ ; а Маг-
мепѣ-Гирей, готовя месть Астрахани, так-
же хощъ возобновить дружбу съ нами и
присыпалъ своихъ Пословъ въ Москву : самъ
же выступить со многочисленнымъ войскомъ
къ устью Волги.

**Ханъ Крым-
ский взялъ Астра-
хань.** Въ Астрахани господствовалъ тогда Усе-
нишъ, сынъ умершаго Царя Ченибека²⁵¹ : онъ
искалъ покровительства Россіи, но не успѣлъ
защитить себя отъ нашествія Магмепѣ-
Гирея, кошорый вмѣстѣ съ Ногайскимъ Кня-
земъ Мамаемъ осадилъ Астрахань, изгнавъ
Усениша, и завоевавъ сей важный торговый
городъ, исполнилъ такимъ образомъ свое да-
внишнее властолюбивое намѣреніе совоку-
пить три Батыевы Царства — Казань ,
Астрахань и Тавриду — въ единую Державу ,
которая могла бы и далѣе расшириться на
Востокъ покореніемъ Ногаевъ , Шибаискіхъ
или Тюменскіхъ и Хивинскіхъ Моголовъ ,
примкнувшись отъ моря Каспійскаго къ Персіи ,
къ Сибири , и новыми тучами варваровъ у-
грожающими образованному Западу . Василій пред-
видѣлъ сю опасность : для того , стараясь
удержать Казань въ зависимости отъ Рос-

сіи, не хопіть помогань Магменъ-Гирею на Аспрахань, и договаривась съ нимъ о мирѣ, заключить тѣсный союзъ съ ея Царемъ, коего Послы свѣдали въ Москвѣ обѣдствіи ихъ єщесиша. Но беспокойство Великаго Князя было непродолжительно: варваръ можетъ имѣть властолюбіе, смѣлость и счастіе, только не умѣеть пользоваться успѣхами: легко пріобрѣталъ, легко и терялъ. Магменъ-Гиреево величіе исчезло какъ сновидѣніе.

Услышавъ о завоеваніи Астрахани, Саипъ-Г.
Гирей, Царь Казанскій, вздумалъ праздновать 1525.
310-
оное кровопролитіе: уже не боясь Россіи, тый-
и въ безумной гордости спешая всякую даль- ства
и вѣньшую умѣреніоспѣшь малодушіемъ, онъ ве- въ Ка-
льѣ умеришиль всѣхъ Московскихъ купцевъ
и Посла Государева, Василья Юрьева¹⁵². Всичъ
о семъ ужасномъ злодѣїствѣ достигла Моск-
вы въ одно время съ другою, весьма для
насъ благопріятною: о внезапной гибели Маг-
менъ-Гирея и бѣденіяхъ Тавриды. Между Бѣд-
тѣмъ, какъ онъ, торжествуя побѣду, весе-
лился и проводилъ въ богатой Астрахани,
сподвижникъ его, Князь Ногайскій, Мамай, Кры-
головилъ ему сѣть, по виновеніямъ брата
своего Агиша. «Что ты дѣлаешь?» говорилъ
Агишъ: «служишь орудіемъ сильному, вла-
«сполюбивому сосѣду, который мыслишъ
«поработить всѣхъ насть, одного за другимъ.
«Опомнишь, или будешь поздно.» Мамай со-
гласился съ братомъ, условился въ мѣрахъ,

Г. и началь доказывать Хану, что ихъ войско
4521. слабѣеть духомъ и итьломъ въ городѣ; что
надобно спасти въ полѣ, гдѣ Ташаринъ ды-
шень свободно и пылаетъ мужествомъ. Маг-
менъ- Гирей, принявъ совѣтъ, вышелъ изъ
города; но въ спасъ вель роскошную, бе-
зпечную жизнь, не воображая никакихъ опас-
ностей: воины ходили безъ оружія. Вдругъ
Агишъ и Мамай съ толпами Ногайскими окру-
жаютъ Царскій шантеръ, въ коемъ Магменъ-
Гирей спокойно обѣдалъ съ юнымъ сыномъ
Богатырь-Солтаномъ: убиваютъ ихъ и мно-
гихъ Вельможъ; нападаютъ на станиць, рѣ-
жущъ изумленныхъ Крымцевъ, гонятъ бѣгу-
щихъ, сползаютъ въ Дону ^{*63}. Только двое изъ
сыновей Ханскихъ, Казы-Гирей и Бибей, съ
штатдесятыю Князьями прибѣжали въ Таври-
ду: въ слѣдъ за ними вринулись и Ногаи въ
сія беззащитные Улусы, захватили спада,
выжгли селенія, плавали въ крови женъ и
младенцевъ, которые укрывались въ лѣсахъ
или ущелинахъ горъ. Вельможи Крымскіе
собрали наконецъ тысячу двѣнадцать вси-
новъ и сразились съ Ногаями; по разбитые
на голову, сѣва спаслися бѣгствомъ въ Пе-
рекопъ, охраняемую Султанскими Янычара-
ми. Въ то же время Атаманъ Дніпровскихъ
Козаковъ, Евстафій Дацковичъ, бывъ дополнѣ
союзникомъ Крымскимъ, скрѣсть укрѣпленія Оча-
кова, и все испробилъ, что могъ въ Та-
вридѣ.

Московскій Бояринъ Колычовъ, посланный

еще къ Магметъ-Гирею, находясь въ Пере- Г.
копи, быль свидѣнелемъ сихъ происшествій. ^{1523.} Ханъ
Когда Ногаи и Дашковичъ удалились, сынъ Сай-
Ханскій, Казы-Гирей, назвалъ себя Царемъ ^{Гирей} Тавриды; по должасть быль успущиша пре-
столъ дядь, Сайденъ-Гирею, который, съ
Султанскимъ указомъ и съ Янычарами прі-
бхавъ изъ Константинополя, удавилъ пле-
мянника въ Кафѣ, шергесивено воцарился
и спышши предложиша Василию свою дру-
жбу, хвалился могуществомъ и величіемъ.
«Отецъ твой» — писалъ онъ къ Государю —
«безопасно споялъ за хребтомъ моего отца,
«и его саблею съкъ головы непріятелямъ.
«Да буденъ любовь и между нами. Имъю
«ратъ сильную: Великий Султанъ мнѣ по-
«кровицель, Царь Астраханскій Усенинъ другъ,
«Казанскій Саинъ-Гирей братъ, Ногаи, Чер-
касы и Тюмень подданные, Король Сигиз-
мундъ холоцъ, Волхи иутники мои и спад-
ники. Исполияволю Султанову, хочу жить
«съ тобою въ итьномъ брашевъ. Не пре-
вожь моего единокровнаго въ Казани. Ми-
«нувшее забудемъ. Лживъ не дадимъ покоя,»
и проч. Новый Ханъ требовалъ отъ Васи-
лия шестьдесятъ шысять алишъ, утвряя,
что испишише брашъ никогда не отказы-
вающъ другъ другу въ такихъ бездѣли-
цахъ. Хотя въ Москвѣ знали, что Крымъ
находился въ самомъ ужасномъ опустоше-
ніи; что Сайденъ-Гирей не могъ тогда
имѣти ни двѣнадцати шысять исправныхъ

Г. воиновъ: однакожъ Великій Князь старался
1523. воспользоваться добрымъ расположениемъ Хана и заключить съ нимъ союзъ, чтобы по крайней мѣрѣ не опасаться набѣговъ Крымскихъ; только не дать ему денегъ, и въ разсужденіи Царя Казанскаго отвѣтствовалъ: «Государи воюющы, по Пословъ и «купцевъ не убивають: итии и не будеть «мира съ злодѣемъ²³⁴.»

Почто между тѣмъ, какъ шли переговоры съ ды на Тавридою обѣ условіяхъ союза, войско наше Казань. дѣйствовало противъ Казани. Самъ Государь ѿздилъ въ Нижній Новгородъ, откуда послалъ Царя Ішгъ-Алея и Князя Василія Шуйскаго съ судовою, а Князя Бориса Горбатаго съ конною ратию. Они не только восвали пепріательскую землю, убивая, пленяя людей на берегахъ Волги, но сдѣлали и иѣчто важнѣйшее: основали городъ при устьѣ Суры, назвавъ его именемъ Василія, и сѣвши въ предѣлы Казанскаго Царства, свою извергную защищили Россію: валь, острогъ и деревянныя стѣны были достаточны для приведенія варваровъ въ ужасъ. Алей и Шуйскій возвратились осенью. Не трудно было предвидѣть, что Россія не возобновятъ нападеніе въ благопріятнѣйшее время: Саинъ-Гирей искалъ опоры, и рѣшился обѣявить себѣ подданнымъ Великаго Солимана, съ условіемъ, чтобы онъ спасъ его отъ мести Василіевой. Могъ ли дѣйствицельно Глава Мусульмановъ не вступ-

пились въ шакомъ случаѣ за единовѣриаго? Однакожь сіе заступлѣніе, весьма легкое и какъ бы мимоходомъ, оказалось безполезнымъ: Князь Манкупскій, Скиндеръ, находясь погда въ Москвѣ единственно по дѣламъ купеческимъ, именемъ Султана объявилъ нашимъ Болгартъ, что Казань есть Турецкая область; но удовольствовался опицѣтомъ, что Казань была, есть и будетъ подвластна Россійскому Государю; что Саипъ-Гирей мяшежникъ и не имѣть права дарить сю Султана²⁸³.

Весною полки гораздо многочисленнѣе выступили къ Казани, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ завоевать оную. Въ судовой рати главными начальниками были Шигъ-Алей, Князья Иванъ Бѣльскій и Горбатый, Захарьинъ, Симеопъ Курбскій, Иванъ Ляпцкій; а въ конной Боярши Хабаръ Симскій. Число воиновъ, какъ увѣрють, простидалось до 150 тысячъ²⁸⁴. Слухъ о семъ необыкновенномъ ополченіи столь устрашилъ Саипъ-Гирея, что онъ немедленно бѣжалъ въ Тавриду, оставивъ въ Казани юнаго, припадцата-гѣтияго племянника, Сафа-Гирея, внука Менгли-Гиреева²⁸⁵, и сказавъ жителямъ, что ѳдеть искать помощи Султановой, которая одна можетъ спаси ихъ. Гиунаясь его малодушіемъ, испанилъ и боялся Россіянъ, они назвали Сафа-Гирея Царемъ, клялись умереть за него и приготовились къ оборонѣ, вмѣстѣ съ Черемисами

Г.
1524.

г. и Чувашами. 7 Июля судовая рать Московская явилась предъ Госпинъ островъмъ, выше Казани; войско расположилось на берегу, и 20 дней провело въ бездѣйствіи, ожидал Хабара Симскаго съ конницею. Непріятель также спояль въ поля; пресвожилъ Россіянъ частными, маловажными нападеніями; изъявлялъ смѣлость. Презирая отрока Сафа-Гирея, Алей писалъ къ нему, чтобы онъ мирно удалился въ свое отечество и не быть виновникомъ кровопролитія. Сафа-Гирей опровергъ: «чья «побѣда, шого и Царство: сразимся.» Въ сіе время загорѣлась Казанская деревянная крѣпость^{**}: Воеводы Московскіе не двинулись съ места, дали жителемъ спокойно гасить огонь и спроинъ новую стѣну; 28 Июля перенесли спаинъ на луговую спорону Волги, къ берегамъ Казанки, и ошить ничего не дѣлали; а непріятель жегъ нивы въ окрестностяхъ, и занять всѣ дороги, наблюдалъ, чтобы мы не имѣли никакихъ подвозовъ. Испрашивъ свои запасы, войско уже терпѣло недостатокъ — и вдругъ разнесся слухъ, что конница наша совершенно истреблена непріятелемъ. Ужасъ обѣялъ Воеводъ. Не знали, что предпринять: боялись идти назадъ и медленно плыть Волгою вверхъ; думали спуститься ниже устья Камы, бросить суда и возвратиться сухимъ пушемъ чрезъ опѣдаленную Вашку. Оказалось, что дикие Черемисы разбили толь-

ко одиць конный отрядъ Московскій; что г.
мужественный Хаоаръ въ двадцати вер-^{1524.}
спахъ отъ Казани, на берегу Свіяги, одер-
жалъ славную победу надъ ними, Чувашами
и Казанцами, хотившими не допустить его
до соединенія съ Алеемъ: множество взяль
въ плѣнъ, утопили въ рѣкѣ, и съ профеля-
ми прибыль въ станъ главной рапи^{159.}

Не столь счастливъ бытъ Князь Иванъ
Палецкій, который изъ Нижняго Новагоро-
да шель на судахъ къ Казани съ хлѣбомъ и
съ тяжелымъ снарядомъ огнестрѣльнымъ.
Тамъ, гдѣ Волга, усыпаная островами, спъ-
сплетися между ими, Черемисы заирудили
рѣку каменьемъ и деревьями. Сія преграда
изумила Россіянъ. Суда, увлекаемыя спрем-
леніемъ воды, разбивались одно объ другое
или объ камни, а съ высокаго берега сы-
пались на нихъ стрѣлы и капились бревна,
пускаемые Черемисами. Погибло иль сколько
тысячъ людей, убитыхъ или утопшихъ^{160.}
и Князь Палецкій, оставивъ въ рѣкѣ боль-
шую часть военныхъ снарядовъ, съ немноги-
ми судами достигъ нашего стана. Сіе бѣд-
ствіе, какъ думаютъ, произвело известную
старинную пословицу: съ одну сторону Чер-
емиса, а съ другой берегися^{161.} «Волга» —
пишетъ Казанскій Историкъ — «сдѣлалась
«и тогда для варваровъ златоструйнымъ Ти-
«громъ: кромѣ пушекъ и ядеръ, они пудами
«извлекали изъ ея глубины серебро и драго-
«цѣнное оружіе Москвитянъ.»

Г. Хотя Россіяне обступили накопець крѣпость и могли бы взять ее, тѣмъ вѣроѧтно^{1524.} же, что въ самый первый день осады убивъ лучшаго непріятельскаго пушкаря, видѣли замѣшательство Казанцевъ и худое дѣйствіе ихъ огнестрѣльного снаряда; хотя Нѣмецкіе и Литовскіе воины, наемники Государевы, требовали приступа; но Воеводы, опасаясь неудачи и голода, предпочли миръ: ибо Казанцы, успрашенные побѣдою Симскаго, выслали къ нимъ дары, обѣщаясь немедленно оправить Посольство къ Великому Князю, умилостивить его, загладивъ свою вину. Малодушные или, по мнѣнию иѣконасторыхъ, осѣпленные золотомъ начальники прекратили войну, сняли осаду и вышли изъ земли Казанской безъ славы и съ болѣзнио, отъ коей умерло множество людей, такъ, что едва ли половина рати осталась въ живыхъ. Главный Воевода, Князь Иванъ Бѣльскій, лишился милости Государевой; но Митрополитъ исходатайствовалъ ему прощеніе^{262.}

Послы Казанскіе дѣйствительно прѣѣхали къ Государю; молили его, чтобы онъ утвердилъ Сафа-Гирея въ досмотрѣ Царя, и въ такомъ случаѣ обязывались, какъ и прежде, усердствовать Россіи^{263.} Василій требовалъ доказательствъ и залога въ вѣриости сего народа, постоянно единственно въ обманахъ и злодѣйствіяхъ: впрочемъ желалъ обойтися безъ дальнѣйшаго кровопро-

лишія. Бояринъ, — Князь Пенковъ, быть въ г.
Казани для переговоровъ. Между шѣмъ Го-^{1524.}
сударь безъ оружія нанесъ ей ударъ весьма чув-
ствительный, запрещивъ нашимъ купцамъ
тѣдішь на ся лѣтнюю ярмоику и назначивъ для
ихъ торговли съ Азію мѣстомъ Нижегородской
области, на берегу Волги, гдѣ нынѣ Макарьевъ:
отъ чего сія славная ярмоика упала:
ибо Астраханскіе, Персидскіе, Арменскіе куп-
цы всего болѣе искали тамъ нашихъ мѣ-
ховъ, и сажи Казанцы лишились вещей не-
обходимыхъ, на примѣръ соли, копорую
они получали изъ Россіи^{264.} Но какъ трудно
перемѣнить спарыя обыкновенія въ нутряхъ
купеческаго, то мы, сдѣлавъ зло другимъ,
увидѣли и собственныи вредъ: не скоро
можно было пріучить людей къ новому, ди-
кому, неислѣдованому мѣсту, гдѣ нѣкогда
существовалъ уединенный монастырь, за-
веденный Св. Макаріемъ Унженскимъ и раз-
рушенный Тайпарами при Василии Темномъ^{265.}
Цѣна Азіанскихъ ремесленныхъ произведен-
ий у насъ возвысилась; открылся недоспа-
токъ въ нужномъ, особенно въ соленої ры-
бѣ, покупаемой въ Казани. Однимъ словомъ,
досадивъ Казанскому народу, Великий Князь
досадилъ и своему, который не могъ пред-
видѣть, что сіе юное поржище будетъ
со временемъ нашою славною Макарьевскою
ярмоикою, едва ли не богатѣйшею въ свѣ-
тии. Жаловались, что Государь ищетъ се-
бѣ непріятелей, равно какъ осуждали его

и за основание города въ земль Казанской, хотя дальновидныи изъ самыхъ современниковъ знали, что дѣло идеть не объ испиниомъ дружествѣ съ исю, но о вѣрнѣйшемъ ея, для насть необходимомъ покореніи, и хвалили за то Великаго Князя¹⁶⁶. — Слѣдствіемъ переговоровъ между нами и Казанью было пятильтие, мирное бездѣствіе съ обѣихъ споропъ.

Г.
1525. Тогда Великий Князь, свободный отъ дѣль
воинскихъ, занимался важнымъ дѣломъ семей-
но-
стри-
женіе спасеніемъ, тѣсно связаннымъ съ государ-
ской спасеніою пользою. Онъ былъ уже двадцать
Кая-
тии. лѣтъ супругомъ, не имѣя дѣтей, слѣд-
ствію и надежды имѣть ихъ. Отецъ съ
удовольствіемъ видѣть наследника въ сыни-
шаковъ успавъ Природы; по братья не
столь близки къ сердцу, и Василіевы не
оказывали ни великихъ свойствъ душевныхъ,
ни искренней привязанности къ спаривше-
му, болѣе опасаясь его какъ Государя, нежели любя какъ единокровнаго. Современ-
ный Лѣтописецъ повѣстивъ, что Вели-
кий Князь, вѣну однажды на позлащенной
колесницѣ, въ города, увидѣвъ на деревѣ
птичье гнѣздо, заплакалъ и сказалъ: «Пти-
цы счастливѣе меня: у нихъ есть дѣти?»
Послѣ онъ также со слезами говорилъ Бо-
ярамъ: «Кто будесть моимъ и Русскаго Цар-
ства наследникомъ? брашья ли, которые
«не умѣютъ править и своими Уѣзлами?»
Бояре отвѣтствовали: «Государь! неплод-

«иую смоковницу поськаонъ: на ея мъсіть г
«садяшъ иую въ верноградъ»²⁶⁷. Не толь- 1525.
ко придворные угодники, во и ревношии
друзья онечества могли совѣтовать Васи-
лию, чтобы онъ развелся съ Соломоніею, об-
виняемою въ неплодніи, и новымъ супруже-
ствомъ даровать наследника пресполу. Сль-
дуя ихъ мінію, и желая быти отцемъ,
Государь рѣшился на дѣло жестокое въ
смысль нравственности: немилосердо от-
вергнути отъ своего ложа невинную, до-
брьшельную супругу, кошорая двадцать
летъ жила единственно для его счастія;
предать ее въ жерпіву горески, спыду, от-
чаянію; нарушишъ святый уставъ любви и
благодарности. Если Митрополитъ Дашиль,
списходительный, уклончивый, вниматель-
ный къ міру болѣе, нежели къ Духу, со-
гласно съ Великокняжескимъ Синклютомъ
призналь намѣреніе Василіево законнымъ или
еще похвальнымъ: ибо нашлись и Духовные
и міране, кошорые смѣло сказали Госуда-
рю, что оно проишвно совѣстни и Церкви. Въ
числь ихъ былъ пустынnyй Июкъ Вассіанъ,
сынъ Князя Липовскаго, Ивана Юрьевича
Патрикеева, и самъ иѣкогда знанийшій
Бояринъ, виѣстъ съ отцемъ въ 1499 году
неволею посприженый въ Монахи за усер-
діе къ юному Великому Князю, несчастно-
Димитрію²⁶⁸. Сей мужъ уподоблялся, какъ
пишущъ, древнему Святому Антонію: его
заключили въ Волоко-Ламскомъ монастырѣ,

Г. коего Июки любили угождать мірской вла-
сті; а преспастьяго Воеводу, Князя Симе-
она Курбского, завоевавшеля земли Югорской,
строгаго постника и Христіанина, удали-
ли отъ Двора: ибо онъ также ревностно
вспидался за права Соломонії²⁶⁹. Самые про-
столюдны — одни по естественій жало-
сти, другіе по Номоканону — осуждали Ва-
силія²⁷⁰. Чтобы обмануть законъ и совѣсть,
предложили Соломонії добровольно отказать-
ся отъ міра: она не хотѣла. Тогда употреб-
или насилие: вывели ее изъ дворца, по-
стригли въ Рожественскомъ Дѣвичьемъ мо-
настырѣ, увезли въ Сузаль, и тамъ, въ
женской Обицели, заключили. Увѣряютъ,
что несчастная противилась совершенію
беззаконнаго обряда, и что саповникъ Вели-
кокняжескій, Иванъ Шигона, угрожалъ ей
не только словами, но и побоями, дѣйствуя
именемъ Государя; что она залилась слеза-
ми, и надѣвая ризу Июкии, торжествен-
но сказала: «Богъ видинъ, и описашъ
«моему гонителю²⁷¹. — Не умолчимъ здѣсь о
преданіи любопытномъ, хотя и не досто-
вѣрюмъ: послался слухъ, что Соломонія, къ
ужасу и безполезному раскаянію Великаго
Князя, оказалась послѣ беременною, родила
сына, дала ему имя Георгія, тайно воспи-
пывала его и не хотѣла никому показать,
говоря: «въ свое время онъ явится въ мо-
«гущесивъ и славѣ.» Многіе считали то за
исину; другіе за сказку, вымыщленную

друзьями сей несчастной, добродушельной Г.
Киягини²⁷². 1526

Разрывши узы своего брака, Василій по Но-
уславу Церковному не могъ виорично быть
супругомъ: чья жена съ согласія мужа по-
спригася, ишоиъ долженъ самъ описать-
ся отъ свѣта. Но Митрополитъ далъ бла-
гословеніе, и Государь чрезъ два мѣсяца же-
нился на Киягинѣ Еленѣ, дочери Василія
Глинскаго, къ изумлению нашихъ Бояръ,
коиорые не думали, чтобы родъ чужезем-
ныхъ измѣнниковъ удостоился такой чести.
Можетъ быть, не одна красота невѣсты
рѣшила выборъ; можетъ быть, Елена, во-
спитанная въ знаниемъ Владѣтельномъ До-
мѣ и въ обычаяхъ Нѣмецкихъ, коими слав-
илася ея дядя, Михаилъ, имѣла болѣе прі-
ятливости въ умѣ, нежели шогдашнія юныя
Россіянки, научаемыя единственно цѣло-
мудрію и крошкимъ, смиреннымъ добродѣ-
телемъ ихъ пола. Нѣкоторые думали, что
Великій Князь изъ уваженія къ доспопи-
сивамъ Михаила Глинскаго женился на его
племянницѣ, дабы оставилъ въ немъ наде-
жнаго союзника и пушеводителя своимъ
дѣламъ²⁷³. Сіе менѣе вѣроятно: ибо Ми-
хаилъ послѣ того еще болѣе года сидѣлъ
въ племницѣ, освобожденный наконецъ рев-
носивымъ ходатайствомъ Елены²⁷⁴. — Свадь-
ба была великолѣпна. Праздновали три дні.
Дворъ блестѣлъ необыкновенною пышно-
стью²⁷⁵. Любя юную супругу, Василій желалъ

Г. ей нравиша ся не только ласковымъ обхожде-
1526. ниемъ съ нею, но и видомъ молодости, кошорая
отъ него удалялась: обрила себъ бороду и
пекся о своей пріятной наружности¹⁷⁶.

Въ шченіе пяти лѣтъ Россія имѣла
Сио- единственно мирныя сношенія съ иными
шнія Державами. Еще при жизни Леона X одинъ
съ Ри- момъ Генуэзскій путешественникъ, называемый
Калишаномъ Павломъ, съ дружелюбнымъ
письмомъ отъ сего Папы и Нѣмецкаго Ма-
гистра Албрехта былъ въ Москвѣ, имѣя
важное памѣреніе проложить купеческую
дорогу въ Индостанъ черезъ Россію посред-
ствомъ рѣкъ Ида, Окса или Гигона, моря
Каспійскаго и Волги. Прежде счастливаго
открытия Васка де-Гамы товары Индійскіе
или въ Европу или Персидскій Заливомъ,
Евфратомъ, Чернымъ моремъ, или Заливомъ
Аравійскій, Ниломъ и моремъ Средизем-
нымъ; по Португальцы, въ началѣ XVI вѣ-
ка овладѣвъ берегами Индіи, захвативъ всю ея
торговлю и давъ ей удобнейший путь Океа-
номъ мимо Африки, употребляли свою вы-
году во зло, и столь возвысили цѣну пря-
ныхъ зелій, что Европа справедливо жало-
валась на безумное корыстолюбіе Лиссабон-
скихъ купцовъ. Говорили даже, что ароматы
Индійскіе въ дальнемъ плаваніи теряютъ
запахъ и силу. Движимый ревностію от-
нять у Португалии исключительное пра-
во сей торговли, Генуэзскій путешествен-
никъ убѣдительно представлять нашимъ

Боярамъ, что мы въ нѣсколько лѣтъ мо- г.
жемъ обогатиши сю; что казна Госуда-^{1526.}
рева наполнишася золотомъ отъ купеческихъ
пошлинь; что Россіяне, любя употреблять
пряния зелья, будуть имѣти оныя въ изо-
билии и дешево; что ему надобно только
узнань теченіе рѣкъ, впадающихъ въ Вол-
гу, и что отъ проснинъ Великаго Князя
опиупущинъ его водою въ Аспрахань. Но
Государь, какъ пишутъ, не хотѣлъ открыть
иностранцу пушней нашей торговли съ Босто-
комъ^{277.} Павелъ возвратился въ Италію по
смерти Леона X, вручилъ отвѣщенную Васи-
ліеву грамоту Папѣ Адріану и въ 1525 го-
ду впоричю прѣѣхалъ въ Москву съ пись-
момъ отъ новаго Папы, Климента VII, уже
не по торговымъ дѣламъ, но въ видѣ Посла,
дабы склонить Великаго Князя къ войну съ
Турками и къ соединенію Церквей: за что
Климентъ, подобно Леону, предлагалъ ему
достиженіе Короля^{278.} Сей онынъ, какъ
и весь прежніе, не имѣлъ усвѣха: Василій,
довольный именемъ Великаго Князя и Царя,
не думалъ о Королевскомъ, не хотѣлъ ис-
кашь новыхъ враговъ и помнилъ худыя
слѣдствія Флоренційскаго Собора; однакожъ
принялъ съ уваженіемъ и Посла и грамоту,
честиль его два мѣсяца въ Москвѣ и вмѣ-
стъ съ нимъ отправилъ въ Италію гонца
своего, Димитрія Герасимова^{279.}, о коемъ
славный Историкъ штого вѣка, Павелъ Іовій,
говорить съ похвалою, сказывая, что онъ

Г. учился въ Ливоніи, зналъ хорошо языкъ
1526. Лапшинскій, былъ употребляемъ Великимъ
Княземъ въ Посольствахъ Шведскомъ, Дат-
скомъ, Прусскомъ, Вѣнскомъ; имѣлъ многія
свѣдѣнія, здравый умъ, кротость и пріят-
ность въ обхожденіи. Папа вельми отве-
сти ему богато украшенныя компаны въ
замкѣ Св. Ангела. Отдохнувъ нѣсколько дней,
Димитрій въ великолѣпной Русской одеждѣ
представилъ Клименту, поднесъ дары и
письмо Государево, наполненное единствен-
но учтивостями. Великій Князь изъявлялъ
желаніе быть въ дружбѣ съ Папою, ут-
верждать опую взаимными Посольствами,
видѣть торжество Христіанства и ги-
бель невѣрныхъ, прибавляя, что опъ изда-
вна караетъ ихъ въ честь Божіо. Ждали,
что Димитрій объявитъ на словахъ какія
нибудь пачинія порученія Государевы: онъ
занемогъ въ Римѣ и долго находился въ опа-
спости; наконецъ выздоровѣль, осмотрѣль
всѣ досугомягости древней столицы
мира, новыя здали, церкви; хвалилъ пышное
служеніе Папы, восхищался музыкою, при-
сутствовалъ въ Кардинальскомъ Совѣтѣ,
бесѣдовалъ съ учеными мужами, и въ осо-
бенности съ Павломъ Іовіемъ; разсказывалъ
имъ много любопытнаго о своемъ отечествѣ;
но, къ неудовольствію Папы, объявилъ,
что не имѣетъ никакихъ повелѣній опъ
Василія для переговоровъ о дѣлахъ государ-
ственныхъ и церковныхъ. — Димитрій воз-

вратился въ Москву (въ Іюль 1526 года) г-
сть новымъ Посломъ Климентовыимъ, Іоан-^{1526.}
номъ Фрацискомъ, Епископомъ Скаренскимъ,
коему надлежало доспавиши миръ Христі-
ансшу, шо есть, Ливъ²⁰⁰. Явился и другой,
еще знаменитый посредникъ въ семъ дѣлѣ,

Кончина Максимиана прервала сообще-
ніе нашего Двора съ Имперію. Хитрый,
властолюбивый юноша, Карлъ V, заспу-^{Карлъ}
нивъ мѣсто дѣда на ся пресполѣ, не имѣть
времени мыслить о Съверѣ, повсѣльвая
Іспанію, Австрію, Нидерландами, и спо-
ра о господствѣ надъ всею югозападною
Европою съ прямодушнымъ Героемъ, Фра-
нцискомъ I. Долго ждавъ, чтобы Карлъ вспо-
миналъ о Россіи, Великій Князь рѣшился
самъ оправить къ нему гоца съ привѣт-
сивіемъ. За симъ возобновились торжест-
венныея Посольства съ обѣихъ сторонъ.
Австрійскій Государственній Совѣтицъ
Антоній прибылъ въ Москву съ дружест-
венными грамотами, а Князь Иванъ Яро-
славскій-Засѣкинъ бѣдилъ съ такими же
оицъ Василія къ Императору въ Мадридъ²⁰¹,
въ то самое время, когда несчастный Фра-
нцискъ I находился тамъ пленникомъ, и ко-
гда Европа не безъ ужаса видѣла быстрые
успѣхи Карлова властолюбія, угрожавшаго
ей *всемирную Монархію* или зависимостію
всѣхъ Державъ отъ единой сильнейшей,
какой не бывало послѣ Карла Великаго въ
течение семи вѣковъ. Только Россія, хотя

Г. уже съ любопытствомъ наблюдающая го-
1526. сударственные движения въ Европѣ, но еще
далѣе враждебной Литвы не зрящая для
себя прямыхъ опасностей, оставалась вдали
спокойною, и даже могла желать, чтобы
Карлъ исполнилъ намѣреніе дѣда присоединеніемъ Венгрии и Богеміи къ владѣніямъ
Австрійскаго Дома (какъ и случилось): ибо
сіи двѣ воинственные Державы, управляемыя
Сигизмундовымъ племянникомъ, Лю-
довикомъ, служили опорою Литвы и Поль-
ши. Не имѣя никакого совмѣстничества
съ Императоромъ и справедливо угадывая,
что оно есть или будетъ между имъ и
Королемъ Польскимъ, Великій Князь пред-
ложилъ Карлу склонить Сигизмунда къ
шверному миру съ Россіею, или благора-
зумными убѣжденіями или спрахомъ ору-
жія, по торжественному Максимилианову
обѣщанию ^{*62}. Въ удовольствие Василія Им-
ператора, отпустилъ Князя Заськина изъ
Мадрида, вмѣстѣ съ нимъ послалъ Графа
Леонарда Нугарольскаго, а братъ его
Эрцгерцогъ Австрійскій Фердинандъ, Баро-
на Герберштейна въ Польшу, чтобы объ-
яснившись съ Королемъ въ разсужденіи мир-
ныхъ условій и тѣхань въ Москву для окон-
чания сего дѣла. Но Сигизмундъ, уже опасясь
замысловъ Императора на Венгрию, худо
вѣрилъ его доброжелательству и сказалъ
Посланью, что онъ не просилъ ихъ Госуда-
рей быть миротворцами и можешь самъ

уиять *Россию*, примолвивъ съ досадою: «ка- г.
«кая дружба у Князя Московскаго съ Импе- 1526.
«раторомъ? что они: ближніе соуды или
«родственники?» Однакожь послать къ Ва-
силію Воеводу своего, Петра Кишку, и Мар-
шалка Богуна, кои порые въ сльдь за Гра-
фомъ Леонардомъ и Герберштейномъ пріѣ-
хали въ нашу столицу. Великій Князь быль
въ Можайскѣ, увеселяясь звѣриною ловлею:
шамъ и начались переговоры. Король возоб-
новиць спарыя требованія на все описанное
у Литвины Іоанномъ, называя и Новгородъ и
Псковъ ея достояніемъ; а мы хопѣли Кіе-
ва, Полоцка, Віцебска. Посредники, Епис-
копъ Скарбенскій, Леонардъ и Герберштей-
нъ, совѣщую обымъ споронамъ быти
умѣреніе, предложили Василію уступить
Королю хотя половину Смоленска: Бояре
объявили сіе невозможнымъ; отвергнули
и перемиріе на двадцать лѣтъ, желаемое
Сигизмундомъ; согласились единственно про-
должить оное до 1535 года, и то изъ осо- Пере-
беніаго уваженія къ Императору и Папѣ, миріе
какъ изъяснился Великій Князь, жалуясь на Літ-
худое расположение Короля къ испиному вою-
миру и нельность его требованій. Споры
о нашихъ границахъ съ Литвою осипались
безъ изслѣдованія, а шведы въ започеїи.
Посламъ Сигизмундовымъ была и личная до-
сада: за сподомъ Великокняжескимъ давали имъ
мено иже Римскаго, Императорскаго и сама-
го Фердинандова Посла. Утверждая перемир-
6**

Г. чую грамоту, Василій говориъ рѣчь о своей
1526. пріязни къ Напѣ, Карлу, Эрцгерцогу, о
любви къ щиннѣ, справедливости, и проч.
На стынѣ висѣлъ золотой крестъ: Дум-
ный Бояринъ, снявъ его, обтеръ бѣльмъ
платомъ. Дѣлкъ въ обѣихъ рукахъ держалъ
хартии договориия. Великій Князь всеналь-
сь мѣста; указывая на грамоту, сказаъ:
«исполю съ Божію помощію;» взглянуль-
сь умиленіемъ на крестъ, и тихо чиня
молитву, приложился къ оному. То же сдѣ-
лали и Литовскіе чиновники. Въ заключе-
ніе обряда шли вино изъ большаго кубка.
Государь снова уверялъ Пословъ въ свое
дружествѣ къ Клименту и къ Максимили-
ановимъ наследникамъ; обратился къ Па-
намъ Литовскимъ, кивнулъ головою, велиль-
ши кланяться Сигизмунду и желая сча-
стливаго пути²⁸⁵. Они все вмѣстѣ выѣхали
изъ Можайска, а за ними наши Послы: Тру-
совъ и Лодыгинъ въ Римъ, Ляпунъ и Во-
лосатый къ Императору и къ Эрцгерцогу,
Окольничий Ляпцкій къ Сигизмунду²⁸⁶. — Хо-
тия Король утвердилъ договоръ и клянчено
обязался бытъ нашимъ мирнымъ сосѣ-
домъ, но взаимныя жалобы не могли пре-
кращиться до самой кончины Василіевой:
ибо Литовцы и Россіяне пограничные вели-
шакъ сказать, явную, всегдашнюю войну
между собою, отнимая земли другъ у дру-
га. Тиценто суды съ обѣихъ сторонъ вы-
ѣзжали на рубежъ: шо Литовскіе не могли

дождались нашихъ, по наши Литовскихъ. г.
Къ неудовольствію Сигизмунда, Василий при-¹⁵²⁶⁻
нялъ къ себѣ Князя Федора Михайловича
Меншиковскаго, выдалъ за него дочь сестры
своей, Анастасію^{***}, спосиля съ Господа-
ремъ Молдавскимъ, непріятелемъ Литвы, и
задержалъ (въ 1528 году) бывшихъ у васъ
Королевскихъ Пословъ, свѣдавъ, что въ
Минске основали Молдавскаго на пупи
его въ Россію. Король не хотѣлъ именовать
Василия Великимъ Государемъ, а мы не хо-
тили называть Короля *Rossijskимъ* и *Пру-
скимъ*. По крайней мѣрѣ пленниковъ нашихъ
и Литовскихъ, въ силу перемирія, продол-
женаго еще на годъ, выпустили изъ те-
милицъ и не обременяли цѣлями какъ зло-
дѣевъ^{****}.

Въ слѣдствіе одной изъ достопамятней-
шихъ государственныхъ перемѣнъ въ мірѣ,
Швеція, послѣ долговременнаго неусыпой-
сіва, угнетенія, безнадежія, какъ бы обно-
вленная въ своихъ жизненныхъ силахъ, обра-
зовалась, возставала тогда подъ Эгідою ве-
ликаго мужа, Густава Вазы, который изъ <sup>Дру-
же-
ство</sup> рудокопии восшелъ на тронъ, озарилъ его <sup>Гу-
ста-
вомъ</sup> славою, упвердилъ мудростію; возвеличилъ
Государство, ободрилъ народъ, былъ че-
стію вѣка, Монарховъ и людей. Освободивъ
Королевство свое отъ ига Даічанъ, не ду-
мая о сущной воинской славѣ, думая толь-
ко о мирномъ благоденствіи Шведовъ, Гу-
ставъ искалъ дружбы Василия и подпвер-

Г. диль заключенное съ Россію перемиріе на
1526. 60 лѣпъ. Совѣтиши его, Канушъ Эрик-
сонъ и Бюрнъ Классонъ, прїѣзжали для то-
го въ Новгородъ къ Намѣстнику, Князю
Ивану Ивановичу Оболенскому, и Дворецко-
му Сабурову, а Эрикъ Флемингъ въ Мо-
скву²⁸⁷. Уже Христіанъ, неизвестный и Шве-
дамъ и Данчанамъ, скинулся изгнаникомъ
по Европѣ: преемникъ сего Нерона, Король
Фридрихъ, менѣе властолюбивый, призналъ
независимость Швеціи, и Василій, слыша о
великихъ дѣлахъ Густава, пѣмъ охопиye
согласился жить съ нимъ въ мирномъ сосѣд-
ствѣ: дозволилъ Шведскимъ купцамъ имѣть
свой особенный дворъ въ Новгородѣ и тор-
говать во всей Россіи; обѣщалъ совершен-
ную безопасность Финскимъ землемѣльцамъ,
которые боялись селиться близъ нашей гра-
ницы, и вельть, въ угодность Королю, за-
точить въ Москвѣ славного Данскаго Адми-
рала Норби. Сей воинъ мужественный, по
свирѣпый, по изгнаніи Христіана завладѣль-
было Готландію, страдалъ морскимъ раз-
бойникомъ, не щадилъ никого, бралъ всѣ ко-
рабли безъ исключенія, и въ особенности
злодѣйствовалъ Швеціи; наконецъ, разбі-
тый ея флотомъ, бѣжалъ въ Россію, чи-
бы возбудить пасть противъ Густава²⁸⁸.
Великій Князь объявилъ Норби мяпежни-
комъ и наказалъ его, въ удостовѣреніе, что
хочеть мира и шишины на Сѣверѣ.

Упративъ надежду имѣть союзника въ г.
Султанъ, Василий милосердно угощалъ его ^{1526.} Посланника, Скидера, который сїе при
раза быть въ Москвѣ, по торговымъ дѣламъ, и шамъ внезапно умеръ съ именемъ коры-^{Помощь} столобиваго и злаго клеветника: ибо онъ, вы-
несправедливо жалуясь на скучность и ху-
дый приемъ Великаго Князя, хвалился, что
убѣдить Солимана воевать съ нами; но ум-
ный Султанъ не могъ быть орудіемъ под-
лаго Грека, и не думая уничтожить числа
своихъ непріятелей, оставилъ другомъ Рос-
сии, хсия и безполезныи, и въ концѣ 1530
года писалъ къ Василию послѣднее маковое
письмо съ Туркомъ Ахманомъ, коему надле-
жало кушинъ въ Москвѣ иБсколько крече-
товъ и мѣховъ соболыхъ²⁰².

Въ сie время один Крымскіе ханчики пре-
вожили Россію, не смотря на усиленія Вели-
каго Князя быти въ мирѣ съ Ханомъ и на
союзныя грамоты, послѣ многихъ перего-
воровъ утвержденія взаимною кливою. Сайдентъ-Гирей, ненавидимый народомъ и
Князьями за его любовь къ Турецкимъ обы-
чаямъ, миль кровь знанийшихъ людей и
не могъ держаться на свое мѣсто ужасномъ про-
нѣ, бывъ два раза изгнанъ племянникомъ,
сыномъ Магменгъ Гирея, Исламомъ; прими-
рился съ нимъ, даъ ему санъ Калги, гра-
бить Липшу и требовать денегъ отъ Ва-
силія, который, видя неадѣжность Хан-
ской власти, сдѣлялся пѣмъ умѣреніе въ

даражъ. Послы Сайденъ-Гиреевы находились
въ Москвѣ, когда донесли Государю, что
1527. Г. Царевичъ Исламъ идешь на Россію. Войско
наше заняло берегъ Оки, стояло долго, не
видало непріятеля и разошлося осенью по
Крым-центъ. городамъ: вдругъ заняли село Рязанскія:
Исламъ спремился къ Коломнѣ и Москвѣ.
Но Воеводы, Князья Одоевскій и Мстислав-
скій, оставались на Угрѣ; не пустили раз-
бойниковъ за Оку и съ величимъ урономъ
прогнали, въ чиель многихъ пленныхъ за-
хвативъ первого Исламова любимица Янглы-
ча Мурзу²⁹⁰. Государь быть въ Коломнѣ:
раздраженный въроломствомъ Хана, онъ ве-
льъ упонитъ Крымскихъ Пословъ²⁹¹. И
съ варварами не должно быть варваромъ.
Самъ Великій Князь устыдился такого дѣ-
ла и приказалъ объявитъ Хану, что Послы
убиты Московскою чернью. Ни мало не удив-
ленный ихъ казнью, споль несогласною съ
Народнымъ Правомъ, Сайденъ-Гирей винилъ
только своего племянника, будто бы само-
вольно дерзнувшаго напасть на Россію; сно-
ва клялся въ исполномъ дружествѣ къ ба-
сию, и нагло ограбивъ его Посла, не мѣ-
шаль Крымцамъ злодѣйствовать въ обла-
стяхъ Бѣлевскихъ и Тульскихъ. Наконецъ,
сверженный съ престола Князьями и наро-
домъ, бѣжалъ къ Султану. Но Россія ниче-
го не выиграла сею перемѣнною: сперва И-
сламъ, властивовавъ не сколько мѣсяціевъ въ
Тавридѣ, а послѣ Сашъ, бывшій Царь Ка-

занскій, утвержденный Султаномъ въ до-
сполненіи Хана, угрожали намъ войною и
пламенемъ, хотія оба, гонимые Сайденъ-Ги-
реемъ, прежде искали милости въ Великомъ
Князь, пазваномъ отцъ Ислама и братъ Са-
инъ-Гирея: они непрестанно хотѣли бога-
тыхъ даровъ²⁹².

Къ счастію, Казань усмирилась на время.
Юшій Сафа-Гирей, ненавистникъ Россіи,
исполняя желаніе народа, требовать рѣши-
тельного мира отъ Великаго Князя, винил-
ся передъ нимъ, обѣщался быть его вѣр- Г.
нымъ присяжникомъ. Посоль Московскій, Аи-^{1529.}
дрей Пильсиковъ, взять съ Царя, Вельможъ
и гражданъ клятвенную въ именъ грамоту;
а Василій отправилъ къ нимъ свою съ Кня-
земъ Иваномъ Палецкимъ. Но сей знатный
чиновникъ узналъ въ Нижнемъ Новгородѣ,
что Сафа-Гирей перемѣнилъ мысли, умѣль
злобыми вишеніями возбудить Казанцевъ
противъ Россіи, согласилъ ихъ предложить
ей новые условия мира, и даже съ грубо-
стію обезчеснить Посла Великокняжескаго.
Палецкій возвратился въ Москву, и Госу-
дарь прибыгнуль къ оружію. Спрашное мно- Г.
го численношю войско въ судахъ и берегомъ^{1550.}
выступило весною изъ Нижнаго къ Казани Рать
подъ начальствомъ Князей Ивана Федорови- на Ка-
ча Бѣльскаго, Михаила Глинскаго, Горбато-
го, Кубенскаго, Оболенскихъ и другихъ. Сафа-
Гирей, одушевленный злобою, сдѣлалъ все,
что могъ для сильной обороны: призвалъ

Г. свирѣпыхъ, дикихъ Черемисовъ и 30,000
1530. Ногаевъ изъ Улусовъ шешия его, Мамая; укрѣпилъ предмѣстія оснѣромъ съ глубокими рвами, опѣ Булака Арскимъ полемъ до Казанки; примкнувъ новую стѣну съ двухъ споронъ къ городу, осыпалъ ее землею и каменемъ. Конные полки Московскіе, оправивъ пять или шесть нападений смѣлаго 10 Июн. непріятеля, соединились съ шхонтою, коно-
л. рая вышла изъ судовъ на луговой споронъ Волги. Начались ежедневныя, кровопролитныя битвы. Казаццы, ободряемые Царемъ, не боялись смерти; но, изъявляя удивительную храбрость днемъ, не умѣли быть оснѣрожными ночью: прекращая битву, обыкновенно пировали и спали глубокимъ сномъ до утра. Молодые воины полку Князя Оболенского, смотря издали при ясномъ свѣтѣ луны на оснѣръ, видѣли шамь одну спящую стражу; вздумали отличить себя великимъ дѣломъ: нико подползли къ спѣшь, наперли дерево смелою, сѣрою; зажгли и сѣшили извѣстинъ о томъ нашихъ Вое-
водѣ. Въ одно время заняли оснѣръ, и Россіи при звукѣ штубъ воинскихъ съ грознымъ воинемъ успѣшились на приспушъ, конные и пѣшие, одѣтые и полунаагіе; сквозь дымъ и пламя ворвались въ укрѣпленіе; рѣзали, давили изумленныхъ Ташаръ; взяли предмѣстіе; опускотиши все огнемъ и мечемъ; кроме сгорѣвшихъ, убили, какъ пашущъ, 60,000 воиновъ и гражданъ, а въ чи-

сль ихъ и славнаго богатыря Казанскаго, г.
Апалька, ужаснаго видомъ и силою руки, омо-^{1550.}
ченной кровию многихъ Россиянъ²⁹³. Сафа-Ги-
рей ушелъ въ городокъ Арскій: за нимъ гнался
Князь Иванъ Теленевъ-Оболенскій съ легкимъ
отрядомъ; а другіе Воеводы стояли на мѣ-
стѣ, и такъ оплошило, что полты Черемис-
скія взяли нашъ обозъ, семьдесятъ пушекъ,
запасъ ядеръ и пороху, убивъ Князя Федо-
ра Оболенскаго Лопашу, Дорогобужскаго и
многихъ чиновниковъ. Тогда Россіяне присту-
пили къ городу и могли бы овладѣть крѣ-
постию, тѣмъ не было ии 12,000 воиновъ; но
Бѣльскій, уже и прежде подозрѣваемый въ тай-
номъ лихонимствѣ²⁹⁴, согласился на миръ: при-
нявъ, какъ пишутъ, серебро отъ жителей,
съ клятвою, что они немедленно отпирали
Пословъ къ Василию и не будуть избирать
себѣ Царей безъ его воли, сей главный Вое-
вода отступилъ, къ досадѣ всѣхъ шовари-
щихъ: хвалился именемъ великодушнаго побѣ-
дителя и спѣшилъ въ Москву, ожидая но-
выхъ милостей отъ Государя, своего дяди
по матери²⁹⁵. Одній Лѣтописецъ увѣряетъ,
что Василий, съ лицемъ грознымъ вспры-
шивъ племянника, объявили ему смерть, и
только изъ уваженія къ ревношному хода-
нианству Митрополита смягчили сей при-
говоръ: окованній цѣпями, Бѣльскій сидѣлъ
иѣсколько времени въ темницѣ, въ наказа-
ніе за кровь, которую надлежало еще про-
ливть для необходимоаго покоренія Казани,

Г. два раза упущеной имъ изъ нашихъ рукъ. Но
1550. сего извѣстія нѣть въ другихъ Лѣтописцахъ,
и Бѣльскій чрезъ три года снова началь-
сиповалъ въ ратяхъ²⁹⁶.

Послы Казанскіе, знанные Князья Тагай,
Тевекель, Ибрагимъ, прїехали и смиренно
молили Государя, чтобы онъ простилъ на-
родъ и Царя; увѣряли, что опытъ снялъ
завѣсу съ ихъ глазъ, и что они видятъ не-
обходимость повиноваться Россіи. Надлежало
вѣрить или воевать: Государь хотѣть
отдохновенія, ибо не могъ бы безъ чрезвы-
чайного усиленія, тяжкаго для земли, спа-
дить новую рать. Согласные на всѣ усло-
вія, Послы остались въ Москвѣ; а Великій
Князь отправилъ съ гонцемъ клятвенные
грамоты къ Царю и народу Казанскому для
утвержденія, требуя, чтобы всѣ наши
пленники были освобождены и всѣ огне-
стрѣльныя орудія, взятыя у насъ Череми-
сами, присланы въ Россію. Сей гонецъ не
возвратился: Сафа-Гирей, задержавъ его,
писалъ къ Государю, что не можетъ исполнить
договора, ни присягнуть, пока чинов-
ники Казанскіе не выѣдутъ изъ Москвы;
пока Великій Князь самъ не возвратитъ ему
пленниковъ и пушекъ, взятыхъ Бѣльскимъ,
и пока, вместо гонца, ктонибудь изъ знан-
нѣйшихъ Вельможъ Россійскихъ не приѣдетъ
въ Казань для размѣна клятвенныхъ гра-
мотъ. Бояре наши съ укоризною объявили
о томъ Посламъ Казанскимъ. Князь Тагай оп-

въспивоваль: «Сылали и знаемъ; но мы не г.
«лжецы и не клятвопреступники. Да испол-^{1550.}
«нился воля Божія и Великаго Князя! Хо-
«шимъ служитъ ему усердно. Земля наша
«опустѣла; мужи знамые погибли или огъ-
«мили въ ужасѣ. Сафа-Гирей дѣлаєшъ, что
«хочешь, съ своими Крымцами и Ногаями;
«распуская слухъ, что полки Московскіе
«идутъ на Казань, мущишъ умами, не дер-
«житъ слова и насъ вводишь въ стыдъ.
«Не будешъ шакъ: мы еще живы, имѣемъ
«друзей и силу. Изгонимъ Сафа-Гирея! Да
«изберешь Государь достойнѣйшаго для насъ
«Властиеля!» На сіе Бояре именемъ Вели-
каго Князя сказали, чпю для Россіи все одно,
кто ии царствуетъ въ Казани, Сафа-Гирей
или другой, если будешь только намъ по-
слушенъ и въренъ въ клятвахъ. Тагай про-
должалъ: «Напомниаемъ о невинномъ Шигъ-
«Алѣ; онъ былъ жертвою злодѣевъ: да
«возвратится на престоль, вѣрно служитъ
«Великому Князю и любить пародъ! Пусть
«бдеть съ нами въ городъ Василь: оттуда
«напишемъ къ Казацамъ, къ Горнымъ и Лу-
«говымъ Черемисамъ, къ Князьямъ Арскимъ,
«о милости Государя, и скажемъ: Царемъ
«мы умерли, а Великимъ Княземъ ожили; не
«хотимъ того, кто насъ не хочетъ. Казан-
«скіе пльники, тоскующіе въ неволѣ, имѣ-
«ютъ отцевъ, братьевъ и друзей: всѣ къ
«намъ приступъ, и будешь миръ вѣчный.»
Василь совѣтовался съ Болрами; наконецъ

Г. опустили Пословъ Казанскихъ съ Алеемъ
въ Нижній Новгородъ, и Князь Тагай сдер-
жалъ слово: написать къ согражданамъ о ги-
бельномъ для нихъ упразднѣніи Царя, возму-
щилъ народъ, свергнуль Сафа-Гирея, кото-
рый въ порывѣ злобы хотѣть-было умерт-
вить всѣхъ задержанныхъ въ Казани Россі-
яни; но граждане и Вельможи объявили ему,
чтобы онъ немедленно удалился. Жену его
отправили въ Мамасы Улусы и побили мно-
гихъ Ногаевъ, Вельможъ Крымскихъ, любим-
цевъ Сафа-Гиреевыхъ. Въ семъ благоприят-
номъ для насть происшествіи не мало участ-
вовала Казанская Царевна Горшадиа, сестра
Магметъ-Аминева. Сеніи, Уламы, Князья,
Мурзы известили Василія объ изгнаніи Сафа-
Гирея, и согласные быть подданными Рос-
сии, молили, чтобы вместо Шигъ-Алея, ко-
его мести они спрашивали, Великий Князь
Но-
вый Царь пожаловать имъ въ Царі менѣшаго племян-
цаши-льтияго брата его, Еналея, владѣвшаго
Ка-
го у насть городкомъ Мещерскимъ. Ихъ же-
залие исполнилось: Еналей со многочисленною
дружиною былъ отправленъ въ Казань и воз-
веденъ на престолъ Окольничимъ Морозо-
вымъ, къ удовольствію множества сановни-
ковъ и легкомысленнаго народа. Всъ отъ Ца-
ревны и Сената до послѣдняго гражданина,
съ видомъ искренняго усердія, присягнули
намъ въ подданствѣ, славя милость Госуда-
реву и любезныя свойства юнаго Царя, ко-
ему чрезъ нѣсколько лѣтъ надлежало быть

жеровою ихъ иенствства ! Но Василій не Г.
дожилъ до сей новой измѣны. Проню три¹⁵³⁰ — 31.
года въ миръ. Въ доказательство своего до-
браго расположения къ Казанцамъ , Великій
Князь уступилъ имъ всѣ бывшіи у нихъ въ
рукахъ Московскія пищаи , чтобы они въ
случаѣ непріятельскаго нападенія имѣли спо-
собъ обороняться, и дозволилъ Еналею же-
ниться на дочери сильнаго Ногайскаго Мур-
зы Юсуфа , который могъ примирить его
съ сею беспокойною Ордою. Важнейшія дѣла
Казанскія, не только политическая, но и зем-
ская , рѣшились въ Москвѣ ; Государевымъ
словомъ²⁹⁷. — Между тѣмъ Шигъ-Алѣй , на-
гражденный Коширою и Серпуховыми , зави-
довавъ брату, и желая преклонить къ себѣ
Казанцевъ, шайло сносился съ ними, съ Аспра-
хашю , съ Ногаими : пронски его обнару-
жились , и злосчастный Алѣй , нѣкогда вѣр- Зато-
ный слуга Россіи , быть какъ преступникъ²⁹⁸ Шигъ
започенъ съ женою на Бѣлоозеро²⁹⁹. Алея.

Въ сіе время Василій , благоразуміемъ за-
служивая счастіе въ дѣяніяхъ государшес-
твенныхъ , сдѣлялся и счастливымъ отцемъ се-
мейства. Больше трехъ лѣтъ Елена, вопреки
желанію супруга и народа, не имѣла дѣтей.
Онаѣздыла съ Великимъ Княземъ въ Пере-
славль, Рославль, Ярославль, Вологду, на Бѣло-
озеро; ходила пѣшкомъ въ святыя Обишли
и Пустыни, раздавала богатую милостыню ,
со слезами молилась о чадородіи, и безъ у-
слышанія. Добрые жалѣли о томъ: и вѣкопо-

Г. рые, осуждая бракъ Василіевъ какъ беззакон-
1550 ный , съ тайнымъ удовольствіемъ предска-
— 51. зывали, что Богъ никогда не благословитъ
оаго плодомъ вожделеннымъ. Наконецъ Еле-
на оказалась беременою. Какой-то *городи-
ческий мужъ*, именемъ *Домитіанъ*, объявилъ
Рож- съ, что она будеши матерью *Тита, широ-
деніе каго ума²⁹⁹*, и — въ 1550 году, Августа 25,
Царя въ 7 часу ночи — дѣйствительно родился
*Іоаннъ*³⁰⁰ сънъ, *Іоаннъ*, споль славный добромъ и
Васи- зломъ въ нашей Исторіи ! Пишутъ, что
ліевъ ча. въ самую ту минуту земля и небо попрѣ-
слися опять неслыханныхъ громовыхъ ударовъ,
которые слѣдовали одинъ за другимъ съ
ужасною, непрерывною молниєю³⁰⁰. Вѣроят-
но , что гадали *Двора Великокняжескаго*
умѣли расположить сей случай въ пользу
новорожденаго: не только отецъ, но и вся
Москва, вся Россія , по словамъ *Лѣтописца*,
были въ восторгѣ. Чрезъ лесинъ дней Ве-
ликій Князь привезъ младенца въ Троицкую
Лавру , где Игуменъ *Іоасафъ Скрыпницъ*
вмѣшился съ благочестивѣшими Июками ,
спольши Кассіаномъ Босымъ , Іосифомъ
Волоко-Ламскаго монастыря , и Св. *Дани-
ломъ* Переславскимъ окрестили его. Обли-
валась слезами умиленія, родитель взялъ изъ
ихъ рукъ своего дражайшаго первенца и по-
ложилъ на раку Св. Сергія , моля Угодника ,
да будеши ему наставникомъ и защищи-
комъ въ опасностяхъ жизни. Василий не зналъ,
какъ изъявить благодарность Небу: съпалъ

золото въ казны церковныя и на бѣдныхъ; г.
всѧль ошпорить всѧ шемиць, и сияль ¹⁵³⁰ 31.
опалу со многихъ знаныхъ лодей, бывшихъ
у него подъ гильромъ: съ Князя Федора Мстис-
лавскаго, женаго на именинъ Госуда-
ревой и ясно уличеннаго въ намѣрѣи бѣ-
жать къ Польскому Королю; съ Князей Ще-
нишева, Сузdalльскаго Горбатаго, Пле-
щеева, Морозова, Ляпцкаго, Шигоны и
другихъ, подозрѣваемыхъ въ недоброжела-
тельствѣ къ Еленѣ ³⁰¹. Съ утра до ве-
чера дворецъ наполнялся усердными поздра-
вишелями, не только Московскими, но и
самыхъ ошдаженныхъ городовъ жителя-
ми, коиорые хотѣли единственно взгля-
нуть на счастливаго Государя и сказать
ему: «мы счастливы вмѣстѣ съ тобою!»
Пустынники, опшельники приходили благо-
словить державнаго младенца въ пеленахъ,
и были угощаемы за шрапезою Беликоя-
жескою. Въ знакъ признательности къ Угод-
никамъ Божиимъ, защитникамъ Москвы, Свя-
тымъ Мишрополишинамъ Петру и Алексію,
Великій Князь заказалъ сдѣлать для ихъ мо-
щей богатыя раки: для первого золотую ³⁰²,
для втораго серебряную. Однимъ словомъ,
никто живѣе Василія не чувствовалъ радо-
сти бытъ опицемъ, пгмъ болѣе, чпо онъ —
вѣролепно, превожимый совѣстю за разводъ
съ несчастною, первою супругою — могъ ви-
дѣть въ семъ благословенномъ плодѣ ви-
тораго брака какъ бы знакъ Небеснаго умилю-

спивленія. — Елена чрезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ родила еще сына Георгія³⁰². Тогда Государь женилъ меньшаго брата своего, Андрея, на Княжнѣ Хованской, Евфросинії³⁰³. Браты Симеонъ и Димитрій Іоанновичи скончались безбрачными: первый въ 1518, а второй въ 1521 году. Василій, кажется, не позволялъ имъ жениться, пока не имѣть дѣтей, чтобы олияни у нихъ всякую мысль о наследованіи пресипола.

1552 Упомянемъ о разныхъ Посольствахъ сего
— 55. времени. Неувѣреный ни въ союзѣ Таври-
соль-
ства
Мол-
дав-
скія. ды, ни въ мѣрии расположений Литвы, Великій Князь шѣмъ благосклониѣ отвѣши-
ствовалъ на дружескіи предложения Молдавскаго Воеводы, Петра, которыи (въ 1533 году) писалъ къ нему, чтобы онъ, будучи въ перемиріи съ Королемъ Сигизмундомъ и въ дружбѣ съ Султаномъ, берегъ его отъ первого или убѣдилъ Солтана защищать оружіемъ Молдавію отъ нападенія Польковъ. Великій Князь отправлять не только гопцевъ, но и важныхъ чиновниковъ къ сему Воеводѣ мужескенному, еще опасному для Польши, Литвы и Тавриды со-
свду³⁰⁴.

Аст- Новый Царь Астраханскій, Касымъ, также
рахан- предлагалъ шѣмный союзъ Великому Князю;
скія. но едва Посоль его успѣть доѣхать до Моск-
вы, Черкесы, взявъ Астрахань, убили Цара
и съ богатою добычею удалились въ горы.
Мѣсто Касымово заспушилъ Акубекъ, но шак-

же не на-долго: въ 1554 году уже другой г.
Царь Аспраханскій, Абдыль-Рахманъ, далъ на ¹⁵⁵² — 35.
себя клятвенную грамоту Василию въ ис-
шиномъ къ нему дружеснѣвъ³⁰⁶. — Послы Но-
Гайскіе тогда же находились въ Москве^{тай-ское.}
единственno для исходашайснованія ку-
цамъ своимъ дозволенія продаванія лошадей
въ Россіи³⁰⁷.

По любопытнейшимъ Посольствомъ было Ин-
дийское , ешь Хана Бабура , одного изъ <sup>дый-
ское.</sup>
Тамерлановыхъ попомковъ, знаменитаго осно-
вателя Имперіи Великихъ Моголовъ, о коемъ
мы упоминали, и который, будучи изгнанъ
изъ Хорасана , бѣжалъ въ Индію , где
мужествомъ и счастіемъ утвердилъ свое
господство надъ прекраснейшими земля-
ми въ мірѣ. Обитавъ никогда на берегахъ Каспийского моря , Бабуръ имѣлъ свѣ-
дѣніе о Россіи: желая, не смотря на опда-
леніе , быть въ дружелобной связи съ ея
Монархомъ , и писать къ нему о томъ съ
своимъ чиновникомъ , Хозею Уссениномъ ,
предлагалъ, чтобы Послы и кутицы сво-
бодно ъздили изъ Индіи въ Москву, а изъ
Москвы въ Индію. Великий Князь принялъ
Уссенина милосердие; отвѣшившися Бабуру,
что радъ видѣть его подданныхъ въ Россіи
и не мышаетъ своимъ ъздить въ Индію ,
но — какъ сказано въ лѣтошире — не прика-
зываю къ нему о братствѣ: ибо не зналъ,
что онъ, Самодержецъ или только урядникъ
Индийскаго Царства³⁰⁸?

Посль войны Казанской Россия наслаждалась спокойствиемъ. Были только слухи о непріятельскихъ замыслахъ Крымцевъ. Сафа-Гирей, изгнанный изъ Казани, дышалъ не-навистию, злобою, и всячески убѣждалъ Хана, ладю своего, ко впаденію въ Московскіе

Г.
1553.
На-
бѣг
Крым-
цевъ.

предѣлы. Наконецъ — когда Великій Князь по своему обыкновенію готовился вхать съ Дворомъ на любимую охоту въ Болокъ Ламскій, чтобы провести шамъ всю осень — уѣзжали въ Москву (14 Августа), чио войско Ханское идетъ къ Рязани. Самъ Царевичъ Исламъ, тогдашний Калга, увѣдомилъ о семъ Великаго Князя, слагая всю вину га Сафа-Гирея; однакожъ шель вмѣстѣ съ нимъ, будто бы склоняя его къ миру. Увеличеннысъ разсказы о силѣ непріятеля испугали Дворъ, такъ, чио Государь, немедленно пославъ Воеводъ къ берегамъ Оки и въ сльдъ за шими самъ 15 Августа выѣхавъ въ Коломну, велѣть Боярамъ Московскимъ изготовиться къ осадѣ, а житейши съ нынѣшніемъ перевозиться въ Кремль⁵⁰⁹. На путь вспрѣшились ему гонцы изъ Рязани опіь Намѣстника, Князя Андрея Ростовскаго, съ вѣстю, чио Исламъ и Сафа-Гирей выѣхали посады Рязанскіе, по чио городъ будетъ крѣпкимъ щитомъ Москвы, если разбойники захочутъ осаждать его. Василий въ тоиже часъ отрядилъ легкую конницу за Оку добывать лыковъ. Сильный Воевода, Князь Димитрій Палецкій, началь толпы хищни-

ковъ близъ Зарайска ; разбить ихъ и взять г.
и погибъ пѣшиковъ. Другой Воевода, Князь ^{1555.} Оболенскій-Телепневъ-Овчина, съ Московскими Дворянами гналъ и потопилъ стражу испрѣательскую въ Осспрѣ, но въ горячо-спи паскакавъ на главную силу Царевичей , спасся только необычайнымъ мужествомъ . Ожидая за ними Великаго Князя со всеми полками , Ташары ушли въ степи . Война кончилась въ пять дней ; но мы не могли отбить своихъ пѣшиковъ, уведенныхъ не-пріятелиемъ въ Умусы . Много-подный села Рязанскія снова опустѣли , и Хань Саипъ-Гирей хвалился, что Россія лишилась тогда не менѣе ста тысячъ людей ³¹⁰. « Царевичи » — « писать онь къ Василию — « сдѣлали по своему , « а не по моску ; я велиль имъ воевать Лип- « ву : они воевали Россію . Но упрекай себя . « Князья говоряпъ ми : что дастъ намъ « дружба съ Москвою ? по собою съ годъ . « А рать ? тысячи . Я не умѣть ничего он- « вышествовать имъ . Избирая любое : хочешь « ли мира и союза ? да будущь дары твои « по крайней мѣрѣ въ цѣну ирехъ или чены- « рехъ сопѣтъ пѣшиковъ . » Онь требовалъ отъ Великаго Князя денегъ , ловкихъ пиць , хлѣбника и повара . Калга Исламъ увѣрялъ Василия , какъ названаго отца , въ непремѣнномъ дружествѣ ; а Сафа-Гирей писать къ нему съ шакими угрозами : « Я былъ никогда « тебѣ сыномъ ; но ты не захотѣлъ моей « любви — и сколько бѣствій нало на твою

Г. «голову? Видиши землю свою въ пепль и въ
4555 «разореніи. Еще снова можешь сдѣлаться
«чамъ другомъ, или не престанеть воеваній,
«пока здравствующіи люди мои, Царь и Кад-
«га; где узнаю врага швоего, соединясь
«съ нимъ на щебя, и довершу месть ужас-
«шую. Бѣдай!» Сіи грамоны были отданы
чиновникамъ Великокняжескимъ Декабря 1:
Государь уже находился при последнемъ из-
дыханіи.

Бо. Лѣтописцы говорять, что спиральное ис-
и кон- бесное знаменіе еще 24 Августа предвѣсті-
чинало смерть Василіеву; что въ первомъ часу
Вели- дня кругъ солнца казался вверху будто бы
каго. срѣзаннымъ; что оно мало по малу темнѣло
Князя. среди яснаго неба, и что многіе люди, смот-
ря на то съ ужасомъ, ожидали какойнибудь
великой государственной перемѣны³¹¹. Васи-
лій имѣлъ 54 года отъ рожденія; бодрствова-
валъ духомъ и тѣломъ; не чувствовалъ до-
полнѣ никакихъ припадковъ спаросинъ; не
зналъ болѣзней; любилъ всегда дѣятельность
и движеніе. Радуясь изгнанию исправителя,
отъ съ супругою и дѣтьми праздновалъ 25
Сентября, день Св. Сергія, въ Троицкой
Лаврѣ; похалъ на охопу въ Волокъ Ламскій,
и въ свое мѣсто сель Озерецкомъ занесогъ па-
кимъ недугомъ, который сперва ни мало не
оказался опаснымъ. На сгибы лѣваго стегна
явилась болячка съ булавочную головку, безъ
верха и гной, но мучительная. Великій Князь
съ нуждою доѣхалъ до Волока³¹²; однакожъ

быть на пиру у Дворецкаго, Ивана Юрьеви-
ча Шигоны, а на другой день ходить въ
мыльно и обѣдать съ Боярами. Время стояло
прекрасное для охоты: Государь выѣхалъ съ
собаками; но опять сильной боли возвратился
съ поля, въ село Колынь, и легъ въ постелью.
Немедленно призвали Михаила Глинскаго и
двухъ Немецкихъ Медиковъ, Николая Люева
и Феофилы. Лекарства употреблялись Рус-
скія: мука съ медомъ, печень лукъ,
масль, горчицы и съменники. Сдѣлалось
воспаленіе: гной шелъ цѣльными шарами изъ
чирья. Боярскіе Дѣти перенесли Госу-
даря въ Волокъ Ламскій. Опять пересталъ
жечь; чувствовалъ пытость въ груди, и
скрывая опасность не опять себѣ, но един-
ственному опять другихъ, послать Спрын-
чаго Мансурова съ Дѣлякомъ Путятинымъ
въ Москву за духовными грамотами своего
опца и дѣда, не всѣльвъ имъ сказывать то-
го ни Великой Княгинѣ, ни Минирополиту,
ни Боярамъ. Съ нимъ находились въ Волокѣ,
кромъ брашна, Андрея Іоанновича, и Глинска-
го, Князя Бѣльскаго, Шуйскаго, Кубенскаго:
никто изъ нихъ не зналъ сей печальной шай-
ны, кромъ Дворецкаго Шигоны. Другой
брашъ Василіевъ, Юрій Іоанновичъ, спѣшилъ
къ нему изъ Дмишрова: Великий Князь от-
пустилъ его съ упѣшеніемъ, что надѣялся
скоро выздоровѣть; приказалъ везти себя
въ Москву, шагомъ, въ саняхъ, на постель;
затѣхать въ Іосифову Обитель, лежать въ

Г. церкви на одрѣ, и когда Діаконъ читалъ
1553. молитву о здравіи Государя, всѣ упали на
колѣна и рыдали: Игуменъ, Бояре, народъ.
Василий желалъ вѣхатъ въ Москву скрытно, чтобы иноzemные Послы, памъ бывшіе,
не видали его въ слабости, въ изнеможеніи;
остановился въ Воробьевъ, принялъ Митрополита, Епископовъ, Бояръ, воинскихъ чи-
21 Ноябрь. новниковъ, и только одинъ показывалъ швер-
дость: духовные и міряне, знанные и про-
сные граждане обливались слезами. Навели
москвъ на рѣкѣ, проскала тонкій ледъ. Едва
саны Государевы взъхали, сей москвъ обло-
мился: лошади упали въ воду; по Боярскіе
Дыни, обрѣзавъ гужи, удержали сани на ру-
кахъ. Великій Князь запретилъ наказы-
вать спроинделей. Внесенный въ Кремлев-
скія постельныя хоромы, опъ созвалъ Бо-
яръ, Князей Ивана и Василія Шуйскихъ,
Михаила Юрьевича Захарьина, Михаила Се-
меновича Воронцова, Тучкова, Гашинского,
Казначея Головина, Дворецкаго Шигону, и
вельможъ при нихъ Дьякамъ своимъ писать
новую духовную грамоту, уничтоживъ преж-
нюю, сочиненную имъ во время Митропо-
лита Варлаама³¹³; объявилъ трехлѣтнаго
сына, Иоанна, наследникомъ Государства,
подъ опекою матери и Бояръ до пятнадца-
ти лѣтъ его возрасла; назначить Удѣль-
меныему сыну; усприюъ Державу и Цер-
кѣвь; не забыть ничего, какъ сказано въ лѣ-
пописяхъ: но, къ сожалѣнію, сія важная хар-

тія утратилась, и мы не знаемъ ея любо- Г.
пынныхъ подробностей. 1555.

Желая утвердить душу свою въ сіи пор-
жесственные миупы, Государь шайю при-
частился. Бывъ дошоль на одре недвижимъ,
онъ съ легкою помощю Боярина Захарына
всталъ, принялъ Святые Дары съ вѣрою,
любовию и слезами умиленія; легъ снова и
хочъ видѣть Митрополита, брашевъ,
всехъ Бояръ, кооторые, узнавъ о недугѣ его,
съехались изъ деревень въ столицу; сказаль
имъ, что поручаетъ юнаго Іоанпа Богу, Дѣвъ
Маріи, Святымъ Угодникамъ и Митрополи-
ту; что даетъ ему Государство, наследie
великаго отца своего; что надѣется на со-
вѣсть и чеснѣсть братьевъ, Юрия и Андрея;
что они, исполнявъ крестные обѣты, долж-
ны служить племяннику усердно въ дѣлахъ
земскихъ и раіпныхъ, да будетъ тишина въ
Московской Державѣ, и да высится рука
Христіања надъ певѣрными. Отпустивъ
Митрополита и братьевъ, такъ говорилъ
Боярамъ: «Вѣласи, что Державство наше
«идетъ опь Великаго Князя Кіевскаго, Свя-
«таго Владимира; что мы природные вамъ
«Государи, а вы наши извѣчные Бояре. Слу-
«жите сыну моему, какъ миъ служили: блю-
«дите крѣпко, да царствуетъ надъ землею;
«да будетъ въ кей правда! Це осипавши
«моихъ племянниковъ, Князей Бѣльскихъ; не
«осипавши Михаила Глинскаго: онъ миъ ближ-
«шій по Великой Княгинѣ. Спойте всѣ за-

Г. «едио какъ братья , ревнosiные ко благу
1555. «отечества ! А вы , любезные племяничи ,
«усердствуите вашему юному Государю въ
«правлении и въ войнахъ ; а мы , Князь Ми-
«хайль , за моего сына Иоанна и за жену
«мою Елену долженъ охотно прошить всю
«кровь свою и дать тело свое на раздро-
«бление ! »

Василій изнемогаъ боле и боле . Вы-
славъ всѣхъ , кроме Глинскаго , Захарьина ,
ближшихъ Дѣней Боярскихъ и двухъ врачей ,
Люева и Софилиа , онъ требовалъ , чтобы
ему впустили въ рану чего нибудь крьпка-
го : ибо она гнила и смердѣла . Захарьинъ
упышалъ его вѣроятноснію скораго выздо-
ровления . Великій Князь сказалъ Нѣмцу Лю-
еву : «Другъ и братъ ! мы добровольно при-
«шелъ ко миѣ изъ земли своей , и видѣлъ ,
«какъ я любилъ тебя и жаловалъ : можешь
«ли исцѣлить меня ? » Люевъ отвѣтствовалъ :
«Государь ! слышавъ о твоей милоснii и
«ласкѣ къ добрымъ иноzemцамъ , я осипавъ
«онца и машъ , чтобы служить тебѣ ; благо-
«дѣяний твоихъ не могу исчислить ; но , Го-
«сударь ! не умѣю воскрешашь мертвыхъ : я
«не Богъ ! » Тутъ Великій Князь обратился
къ Дѣнямъ Боярскимъ и молвили съ улыб-
кою : «Друзья ! слышине , что я уже не
«вашъ ! » Они горько заплакали ; не хошьши
распрогать его , вышли воинъ и пали на
землю какъ мертвые . Онъ забылся на не-
сколько минутъ ; открыль глаза и громко

произнесъ: «да исполнится воля Божія! буди Г.
«имя Господне благословенно оспынѣ и до
«свѣка!» 1555.

Сіе было 3 Декабря. Игуменъ Троицкій, Іоасафъ, тихо приближился къ одру болѣющаго. Василій сказалъ ему: «Оіпче! молись за «Государство, за моего сына и за бѣдную «мать его! У васъ я крестилъ Іоана, от- «далъ Угоднику Сергию, клалъ на гробъ Свя- «шаго, поручилъ вамъ особенно: молитесь о «младенцѣ Государь!» Онь не вѣръ Іоасафу выѣзжать изъ Москвы, и пользуясь слабыми осѣашками жизни, еще призвалъ Думныхъ Бояръ: Шуйскихъ, Воронцова, Тучкова, Глин- скаго, Шигону, Головина и Дѣлковъ; бесѣдо- валь съ ними опять прешляго до седьмого часа, о новомъ правленіи, о спошенихъ Бо- яръ съ Великою Княгинею Еленою во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, изъявляя удивительную твердость, хладокровіе и заботливость о судьбѣ оставляемой имъ Державы. Пришли братья и неошепупно молили его, чтобы онъ подкрѣпилъ свои силы пищею; но Василій не могъ Ѳестъ и сказалъ: «смерть предо «миною; желаю благословить сына, видѣть «жену, проспиться съ нею.... Нѣтъ! бо- «юсь ея горести; видъ мой устрашитъ «младенца.» Братья и Бояре настояли, что- бы онъ призвалъ Елену. Князь Андрей Іоан- новичъ и Михаилъ Глинскій пошли за нею. Государь возложилъ на себя кресцъ Св. Пет- ра Митрополита и хотѣлъ прежде видѣть

Г. сына. Брать Еленинъ, Князь Иванъ Глинскій,
1525. принесъ его на рукахъ. Держа крестъ, Василій сказалъ младенцу: «Буди на тебѣ милость
«Божія и на дыханіе твоихъ! Какъ Св. Петръ
«благословилъ симъ крестомъ нашего праро-
«дителя, Великаго Князя Іоанна Даниловича,
«шакъ имъ благословлю щебя, моего сы-
«на³¹⁴.» Онъ просилъ вадзирательницу, Боя-
рыню Агринину³¹⁵, чтобы она неусыпно бе-
регла своего Державнаго пішомца, и слыша
голосъ супруги, вельмъ унесши Іоанна. Князь
Андрей и Боярня Челадинна³¹⁶ вели Елену
подъ руки: она спрашивала и билась
объ землю въ отчаяніи. Великій Князь уп-
шаль ее, говоря: «ми б лучше; не чувствую
«никакой боли» — и съ искренностью молилась
успокоиться. Елена наконецъ ободрилась и
спросила: «кому же поручашъ бѣдную су-
«пругу и дѣтей?» Василій отвѣчалъ: «Іоанъ
«будетъ Государемъ; а тебѣ, съдуя обык-
«новенію нашихъ отцевъ, я назначилъ въ
«духовной своей грамотѣ особенное досполя-
«ніе.» Исполняя желаніе супруги, онъ вельмъ
принесши и меньшаго сына, Юрія; также
благословилъ его крестомъ, и сказалъ, что
онъ не забыть въ духовной. — Умилишель-
ное прощаніе съ Еленою раздирало сердца
жалостію: всѣ плакали и синевали. Она не
хотѣла удалившись: Василій приказалъ выве-
сти ее, и заплашивъ посѣдиюю дань міру,
Государству и чувствительности, уже ду-
маль только о Богѣ.

Еще находясь въ Волокѣ, онъ говорилъ Ду- г.
ховнику своему, Протоіерею Алексію, и по- 1555.
бимому спарцу Мисанлу: «не предайте меня
«земль въ бѣлой одеждѣ! пе останусь въ мі-
«рѣ, если и выздоровлю.» Отпустивъ Еле-
ну, Государь велий Мисанлу пріпести мо-
нашескую ризу, и спросилъ Игумена Кирил-
ловской Обители, въ которой онъ издавна
желалъ быть постриженнымъ; но сего Игу-
мена не было въ Москвѣ. Послали за Іоаса-
томъ Троицкимъ, за образами Владимирской
Богоматери и Св. Николая Гостунскаго. Ду-
ховникъ Алексій пришелъ съ Запасными Да-
рами, чтобы дать ихъ Василію въ самую
минуту кончины¹⁷. «Будь передо мною»,
сказалъ Великій Князь: «смопри и не про-
«пусти сего мгновенія.» Подъ Духовника
столъ Стряпчій Государевъ, Феодоръ Ку-
чецкой, бывшій свидѣтелемъ Іоанновой смер-
ти. Чинили Канонъ на исходъ души. Васи-
лій лежалъ въ усыпленіи; потомъ, кликнувъ
ближняго Боярина, Михайла Воронцова, об-
нявъ его съ горячностию; сказалъ брату
Юрію: «помнишь ли преставленіе нашего ро-
«дителя? я такъ же умираю» — и требо-
валъ немедленнаго постриженія, одобренаго
Митрополитомъ и иѣкоторыми Боярами;
но Князь Андрей Іоанновичъ, Воронцовъ
и Шигона говорили, что Св. Владимиръ не
хотѣлъ быть Монахомъ и названъ Равно-
апостольныи; что Герой Донскій также
скончался мірянинъ, но своими добродѣ-

Г. теплами безъ сомнія заслужилъ Царствіе
1555. Небесное. Шумѣли, спорили, а Василій кре-
стился и читалъ молитвы; уже языкъ его
тупъль, взоръ мерклий, рука упала: онъ
смотрѣлъ на образъ Богоматери и цѣловалъ
простышио, съ львымъ неизрѣбніемъ ожидая
священнаго обряда. Митрополитъ Дашиль
взялъ черную ризу и подалъ Игумену Іоа-
сафу: Князь Андрей и Вороццовъ хотѣли
вырвать ее. Тогда Митрополитъ съ гиб-
вомъ произнесъ ужасныя слова: «Не благо-
«словлю сасъ ни въ сей вѣкъ, ни въ буду-
«щій! Никто не опиниметь у меня души
«его. Добръ сосудъ сребряный, по лучше
«позлащенный!» Василій отходилъ. Съшли
кончить обрядъ. Митрополитъ, надѣвъ спи-
шрахиль на Игумена Іоасафа, самъ поспригъ
Великаго Князя, переименованаго Варла-
амомъ. Въ торопихъ забыли маитію для
новаго Июка: Келарь Троицкій, Серапіонъ,
даль свою. Евангеліе и Схима Ангельская ле-
жали на груди умирающаго. Несколько ми-
нунъ продолжалось безмолвіе: Шигона, стоя
подъ одра, первый воскликнулъ³¹⁸: «Госу-
дарь скончался!» и всѣ зарыдали. — Пишутъ,
что лицо Василіево сдѣжалось вдругъ свѣт-
ло; что, вмѣсто бывшаго несноснаго запаха
опія его раны, комната наполнилась благо-
ухашіемъ. Митрополитъ омылъ тѣло и вы-
теръ хлопчатою бумагою.

Была полночь. Никто не спалъ въ Москвѣ.
Съ ужасомъ ждали вѣсти: народъ троилъ

въ улицахъ. Плачъ и вой раздался отъ дворца до Красной площади. Напрасно Бояре, сами заливалась слезами, удерживали другихъ отъ громкаго спешанія, представляя, что Великая Княгиня еще не знаетъ о кончинѣ супруга. Митрополитъ, облачивъ умершаго въ полное Монашеское одѣяніе, вывелъ его братъевъ въ переднюю горницу и взялъ съ нихъ клятву быть върымыи слугами Иоанна и матери его^{1553.}, не мыслить о Великомъ Княжениі, не измѣнять ни дѣломъ, ни словомъ. Облизавъ шакою же присягою и всѣхъ Вельможъ, чиновниковъ, Дѣтей Боярскихъ, онъ пошелъ съ знающими младыми къ Еленѣ, которая, видя ихъ, упала въ обморокъ и два часа не открышила глазъ. Бояре безмолвствовали: говорилъ одинъ Митрополитъ имеемъ Вѣры, ушьшая со слезами.

Между тѣмъ ударили въ большой колоколь: шло положи на одръ, принесенный изъ Чудова Монастыря, и распворили двери: народъ съ воплемъ успремился лобызать хладяя руки мертваго. Любимые пѣвчіе Василіевы хоромъ пѣли: *Святый Боже!* Ихъ никто не слыхалъ. Июки Іосифова и Троицкаго монастыря несли шло въ церковь Св. Михаила. Елена не могла идти. Дѣти Боярскіе взяли ее на руки. Всѣ Бояре окружали гробъ: Князья Василій Щуйскій, Михаилъ Глинскій, Иванъ Телепневъ-Оболенскій и Воронцовъ шли за Еленою, вмѣстѣ съ знающими Бояршиями. Погребеніе было велико-

Г. лѣпо и скорѣе неописанная въ народѣ. «Дѣ-
1553. «ти хоронили своего отца,» по словамъ Лѣ-
шописцевъ, кошорые съ чувствишильностю
называютъ Василія добрымъ, ласковымъ Го-
сударемъ³²⁰: имя скромное, но умилишельное,
и проспома его ручается за его иешину.

Ха-
рак-
теръ
Васи-
ліевъ.
Василій стоять съ честно въ памятни-
кахъ нашей Исторіи между двумя великими
характерами, Іоаннами III и IV, и не затмь-
вается имъ сияемъ для глазъ наблюдателя;
уступая имъ въ рѣдкихъ природныхъ даро-
ваніяхъ — первому въ обширномъ, плодо-
творномъ умѣ государственномъ, второму
въ силѣ душевной, въ особенной живости
разума и воображенія, опасной безъ навер-
дыхъ правиль добродѣтели, — онь ишь пущемъ,
указаннымъ ему мудростю отца, не
устрашился, двигался впередъ шагами раз-
мѣренными благоразуміемъ, безъ порывовъ
страепи, и приближился къ цѣли, къ вели-
чию Россіи, не оставивъ преемникамъ ни обя-
заний, ни славы исправлять его ошибки;
быть ие Геніемъ, но добрымъ Правителемъ;
любить Государство болѣе собственнаго ве-
ликаго имени, и въ семъ отношении досто-
инъ истииной, вѣчной хвалы, которую не
многіе Въицеосцы заслуживають. Іоанны III
изворять, Іоанны IV прославляютъ и не
рѣдко губятъ; Василій сохранило, утвер-
ждаютъ Державы, и даются птѣмъ наро-
дамъ, коихъ долговременное бытие и цѣлость
угодны Превидѣю.

Василій имѣть наружность благородную, г.
спань величественный, лицо миловидное³²¹, 1555.
взоръ проницательный, но не строгий; казал-
ся и быть действительно болѣе мягкосер-
деченъ, нежели суровъ, по тогдашнему вре-
мени. Читал письма его къ Еленѣ, видимъ
изъжность супруга и отца, который, буду-
чи въ разлукѣ съ женою и съ дѣтьми, не-
престанно обращается къ нимъ въ мысляхъ,
изъясняемыхъ простыми словами, по виупа-
емыи шолько чувствительнымъ сердцемъ³²².
Рожденный въ вѣкѣ еще грубый и въ Само-
одержавіи новомъ, для коего спрогоспи необхо-
дима, Василій по своему характеру искалъ
средину между жесщокостю ужасною и сла-
бостю вредиою: наказывать Вельможъ, п
самыхъ близкихъ, но часто и миловать, за-
бываяль вины. Умный Бояринъ Беклемишевъ
заслужилъ его гневъ: удаленный отъ Двора,
жаловался на Большаго Князя съ нескромною
лосадою; находилъ въ немъ пороки и предска-
зывалъ несчастія для Государства. Беклеми-
шева судили, уничтили въ дерзости и казнили
смертию на Москви-рѣкѣ; а Дьяку Федору
Жареному отрезали языкъ за лживыя слова,
оскорбительныя для Государевой чести³²³.
Тогда не опличали словъ отъ дѣль, и ду-
мали, что Государь, какъ земный Богъ, мо-
жетъ наказывать людей и за самыя мысли,
ему противившия! Опасались милосердія въ та-
кихъ случаяхъ, гдѣ свѣтлая особа Вѣнцепосца
могла упизиться въ народномъ мнѣніи; бол-

Г. лись, чтобы вина оппускаемая не показалась
1555. народу виною малою. — Кроме двухъ не-
счастныхъ жертвъ Политики, юнаго Вели-
каго Князя Димитрія и Шемякина, сынъ Ге-
роя, Данила Холмскаго, Воевода и Бояринъ
Князь Василій, супругъ Государевой сесиры,
Феодосіи, въ 1508 году быть сосланъ на
Белоозеро и въ темницѣ умеръ. Такую же
участь имѣлъ и знаміный Дьякъ, Долматовъ,
назначеній въ Посольство къ Императору
Максимилиану: онъ не хотѣтьѣхать, отго-
вариваясь своею бѣдоспію: велими опечат-
тать его домъ, нашли въ ономъ 3000 руб-
лей денегъ и наказали Долматова какъ пре-
ступника^{***}. Государь простиль Князей Ива-
на Воропышскаго и Шуйскихъ, которые ду-
мали уйти въ Липву^{***}. Иванъ Юрьевичъ
Шигона, бывъ нѣсколько лѣтъ въ опалѣ,
сдался послѣ однимъ изъ первыхъ любим-
цевъ Василіевыхъ, равно какъ и Георгій Ма-
лый Траханіотъ, Грекъ, выѣхавшій съ Вели-
кою Княгинею Софіею: пишущъ, что онъ
впалъ въ немилость опять шайной связи съ
купцемъ Греческимъ, Маркомъ, осужденнымъ
въ Москву за какую-то опасную для Церкви
ересь. Зная способности и необыкновенный
разумъ Георгія, Великій Князь возвратилъ
ему свою милость, совѣтовался съ нимъ о
важнейшихъ дѣлахъ, и для того приказы-
валъ знамініемъ чиновникамъ возить его не-
здраваго во дворецъ на тележкѣ^{***}. Мужъ
славный въ цашей Церковной Исторіи, Ипокъ

Максимъ Грекъ, бывъ шакже въ числѣ зна- г.
менинъихъ , винныхъ или невинныхъ спра- 1555.
дальцевъ сего времени. Судьба его достопо-
мятна: разскажемъ обспояшельства.

Василій, въ самыя первые дни своего прав- ^{Дѣло}
лнія осматривая богатства , оставленныя ^{Мак-}
ему родицелемъ, увидѣлъ множества Грече- ^{сима}
скихъ духовныхъ книгъ , собранныхъ опча-
стии древними Великими Князьями, отчасти
привезенныхъ въ Москву Софію , и лежав-
шихъ въ пыли , безъ всякаго употребленія. Онъ хотѣлъ имѣть человека, который могъ
бы разсмотрѣть оныя и лучша перевести
на языкъ Славянскій : не нашли въ Москве
и писали въ Константинополь. Патріархъ,
желая угодить Великому Князю, искалъ ша-
кого Философа въ Болгаріи, въ Македоніи ,
въ Фессалоникѣ ; но иго Оттоманское заду-
шило всѣ остатки древней учености: пыма
и невѣжество господствовали въ областяхъ
Султанскихъ. Наконецъ узнали, что въ слав-
ной Общности Благовѣщенія , на горѣ Аѳон-
ской, есть два Июка, Савва и Максимъ, Бо-
гословы искусные въ языкахъ Греческомъ и
Славянскомъ. Первый въ изнеможеніи спа-
сти не могъ предпріять дальняго путеше-
ствія въ Россію: віторый согласился исполнить
волю Патріарха и Великаго Князя. Въ
самомъ дѣль не льзя было найти человека
способнаго для замышляемаго пруда.
Рожденный въ Греціи , по воспитанный въ
образованной Западной Европѣ, Максимъ учил-

Г. ся въ Парижъ, во Флоренціи; много путеше-
 1553. сповалъ, знать разные языки, иметь свѣ-
 дѣнія необыкновенныя, пріобрѣтеныя въ
 лучшихъ Университетахъ и въ бесѣдахъ съ
 мужами просвѣщенными. Василій принялъ его
 съ отмѣною милостию. Увидѣвъ нашу би-
 бліотеку, изумленный Максимъ сказалъ въ
 воспогрѣ: «Государь! вся Греція не имѣеть
 «нынѣ такого богатства, ни Италія, гдѣ
 «Лапинскій Фанализмъ обратилъ въ пепель
 «многія творенія нашихъ Богослововъ, спа-
 «сенныя моими единоземцами оить варваровъ
 «Магометовыхъ»²⁷. Великій Князь слушалъ
 его съ живѣйшимъ удовольствіемъ и пору-
 чилъ ему библіотеку; а ревностный Грекъ,
 описавъ всѣ, еще незвестныя Славянскому
 народу книги, по желанію Государеву пере-
 велъ Толковую Псалтирь, съ помощію трехъ
 Москвитянъ, Власія, Димитрія и Михайла
 Медоварцова²⁸. Одобрилъ Митрополитомъ
 Варлаамомъ и всѣмъ Духовнымъ Соборомъ,
 сія важная книга, прославивъ Максима, сде-
 лала его любимцемъ Великаго Князя, такъ,
 что онъ не могъ съ нимъ разстаться и еже-
 дневно бесѣдовалъ о предметахъ Вѣры. Ум-
 ный Грекъ не ослѣпался сею честію: благо-
 даря Василія, убѣдительно требовалъ от-
 пуска въ пишину своей Аѳонской Обители,
 и говорилъ: «шамъ буду славить имя твоє;
 «скажу моимъ единоземцамъ, что міръ еще
 «имѣеть Цара Христіанскаго, сильнаго и
 «великаго, кошорый, если угодно Всевышиему,

«можетъ освободить насъ отъ тиранства г.
«иеврѣйскаго.» Но Василій ошѣгновалъ 1555
ему новыми знаками благоволенія и держаъ
его девѧть лѣтъ въ Москвѣ: время упомянутое
Максимомъ на переводы разныихъ
книгъ, на исправленіе ошибокъ въ спарыхъ
переводахъ и на сочиненія душеспаситель-
ныя, изъ коихъ знаемъ болѣе сихъ³²⁹. Имѣя
свободный доступъ къ Великому Князю,
онъ ходатайствовалъ иногда за Вельможъ
лишаемыхъ Государевой милости и возвра-
щалъ имъ опую, къ неудовольствію и зави-
сши многихъ людей, въ особенности Духо-
венства и суетныхъ Июковъ Іосифова мона-
стыря, любимыхъ Великимъ Княземъ³³⁰.
Смиренный Милютинъ Варлаамъ мало
думалъ о земномъ; по преемникъ Варлаамовъ,
гордый Лавиль, не замедлилъ обѣзвѣстить се-
бя врагомъ чужеземца. Говорили: «кто сей че-
«ловѣкъ, дерзающій искажать древнюю свя-
«тыни нашихъ церковныхъ книгъ и снимать
«опалу съ Бояръ?» Одни доказывали, что
онъ еретикъ; другие представили его Вели-
кому Князю злозычникомъ, неблагодарнымъ,
вшайпъ осуждающимъ дѣла Государевы. Сіе
было во время развода Василіева съ несчаст-
ною Соломоніею: увѣрюютъ, что сей благо-
честивый мужъ дѣйствительно не хвалилъ
онаго; по крайней мѣрѣ находимъ въ Макси-
мовыхъ піореніяхъ *Слово къ оставляющимъ*
*женъ своихъ безъ сини законныя*³³¹. Любя
вступающія за гонимыхъ, оғь шайно припи-

Г. маиъ ихъ у себя въ кельѣ и слушать ино-
1555. гда рѣчи оскорбительныя для Государя и
Митрополита. На примѣръ: несчастный Бо-
яринъ, Иванъ Беклемишевъ, жалуясь ему на
вспыльчивость Великаго Князя, сказалъ, что
прежде достойные Церковные Пастыри удер-
живали Государей отъ страстей и неспра-
ведливости, но что Москва уже не имѣетъ
Митрополита; что Даниилъ носить только
имя и личину Пастыря, не мысля бывть на-
ставникомъ совѣти, ни покровителемъ не-
вѣнныхъ; что Максима никогда не выпу-
стилъ изъ Россіи: ибо Великий Князь и Ми-
трополитъ опасаются его нескромности въ
чужихъ земляхъ, гдѣ онъ могъ бы огласить
ихъ слабости³³². Наконецъ умѣлъ довести
Государя до того, что онъ вельми судилъ
Максима: обвинили его и започтили въ одинъ
изъ Тверскихъ монастырей какъ уличенного
въ ложныхъ толкованіяхъ Св. Писанія и Дог-
матовъ Церковныхъ: что, по мнѣнию неко-
торыхъ современниковъ, было клеветою, вы-
мыщленною Чудовскимъ Архимандритомъ Іо-
ною, Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ и
Митрополитомъ³³³.

Жало- Въ государственныхъ бумагахъ сего вре-
бы на мени находимъ, что знатные люди, не до-
Вели- вольные Василиемъ, обвиняли его въ излиш-
кия въ Князя³³⁴ ией надежности на самого себя, въ неуваж-
еніи совѣтовъ, въ упрямствѣ, нешерстъ-
ніи пропиворѣчій, несмотря на то, что онъ
рѣшился всѣ дѣла именемъ Боярскаго. «Іоанъ»

— говорили они — «не употреблять сего вы- Г.
«раженія въ бумагахъ, но охотно слушать 1555.
«пропагоръчіа и любить смѣлыхъ; а Василій
«не чини спарыхъ людей и дѣлаешь всѣ
«дѣла запершия самъ-шрепетъ, у поспели.»
Жаловались также на любовь его къ новымъ
обычаямъ, привезеннымъ въ Москву Софі-
нными Греками, которые, по ихъ словамъ,
замѣши Русскую землю³³⁴. Но всѣ такія,
можетъ сказать, легкія обвиненія, если и
справедливыя, доказывал, что Василій не
быть чуждъ обыкновенныхъ слабостей че-
ловѣческихъ, опровергающъ ли сказаніе Аль-
тописцевъ о природномъ его добродушиї?
Спикавъ общую любовь народа, онъ, по
словамъ Историка Іовія, не имѣть воин-
ской стражи во дворцѣ: ибо граждане слу-
жили ему вѣрными пѣлюхращителями³³⁵.

Великій Князь, какъ говорили тогда, су-Об-
дилъ и рѣдилъ землю всякое утро до сама-Разъ-
го обѣда, послѣ коего уже не занимался дѣ-жизни
Василіями³³⁶; любить сельскую избушину; живаль-
льтомъ въ Осپровъ, Воробьевъ или въ Мос-
квѣ на Воронцовъ полѣ до самой осени³³⁷;
часто Ѣздили по другимъ городамъ и на
исовую охоту, въ Можайскъ и Волокъ Лам-
скій; но и шамъ не забывалъ Государства: Охо-
тился съ Думными Боярами и Дьяками;^{ша.}
иногда принималъ Пословъ иноzemныхъ³³⁸.
Баронъ Герберштейнъ описываетъ такъ
охоту Белокняжескую: «Мы увидѣли Го-
сударя въ полѣ; оставили лошадей своихъ

Г. «и приближились къ нему. Онъ сидѣлъ па
1553. «гордомъ конь, въ богатомъ терликѣ, въ
«высокой, осыпанной драгоценными ка-
«менями шапкѣ, съ златыми перьями, ко-
«торые разевались выпромъ; на бедре
«висѣли книжалъ и два пожа; за спиною, ви-
«же пояса, кисти. Подъ него тхали съ
«правой стороны Царь Казанскій, Алей, во-
«оруженный лукомъ и стрѣлами, а съ лѣвой
«два Князя молодые, изъ коихъ одинъ дер-
«жалъ скиру, другой булаву или шесто-
«перъ; вокругъ болте трехъ сопъ всадни-
«ковъ.» Передъ вечеромъ сходили съ коней;
разсыпавши шапры на лугу. Государь, пе-
ремѣнивъ одежду, садился въ свое мѣсто на шарѣ
на кресла, призывалъ Бояръ и весело бесѣ-
давалъ съ ними о подробностяхъ счастливой
или неудачной ловли того дня. Служители
подавали закуски, вино и медъ³³⁹. — Самые
древніе Князья наши, Всеволодъ I, Мономахъ
и другіе любили звѣриную ловлю; но Васи-
лий едва ли не первый завелъ *псовую* охо-
ту: ибо Россіяне въ старину считали
псовъ животными нечистыми и гнушались
ними³⁴⁰.

Дворъ Дворъ его былъ великолѣпенъ. Василий
умножилъ число сановниковъ онаго, приба-
вивъ къ нимъ *Оружничаго, Ловчихъ, Край-*
*чаго и Рындъ*³⁴¹. Крайчий былъ тоже, что
нынѣ Оберъ-Шенкъ; а Рынды назывались
оруженосцы, молодые знатные люди, изби-
раемые по красотѣ, нѣжной прѣрасности и

ца, стройному спаиу: одѣтые въ бѣлое ап-
ласное платье и воруженные маленькими се- 1555.
ребряными топориками, они ходили передъ
Великимъ Княземъ, когда отъ являлся наро-
ду: стояли у трона и казались иноземцамъ
подобіемъ Ангеловъ небесныхъ; а въ воин-
скихъ походахъ храшили доспехъ Госуда-
ревъ. — Смиренный въ церкви, гдѣ, — уда-
ляя отъ себя многочисленныхъ Царедвор-
цевъ, онъ стоялъ всегда одинъ, у синѣны,
блѣзъ дверей, опираясь на свой посохъ³¹² —
Басилій любилъ пышность во всѣхъ пышныхъ
торжественныхъ собраніяхъ, особенно въ
приемъ иноземныхъ Пословъ. Чтобы они ви-
дѣли множество и богатство народа, славу
и могущество Великаго Князя, для того, въ
день ихъ представленія, запирались всѣ лав-
ки, оспапливались всѣ работы и дѣла:
граждане въ лучшемъ своемъ платье сѣши-
ли къ Кремлю и густыми толпами окружали
сѣнны его. Изъ окрестныхъ городовъ
призывали Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ.
Войско стояло въ ружьѣ. Чиновники за чи-
повниками, одни другихъ знатиѣ, выходили
на встрѣчу къ Посламъ. Въ приемной пала-
щѣ, наполненной людьми, царствовало глу-
бокое молчаніе. Государь сидѣлъ на тронѣ;
блѣзъ него, на синѣнѣ, висѣлъ образъ;
передъ нимъ, съ правой стороны, лежалъ
колпакъ, съ лѣвой посохъ. Бояре сидѣли
на скамьяхъ, въ одеждахъ усыпной жемчу-
гомъ, въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ³¹³.

Г. — Объды Великокняжескіе продолжались ино-
1555. гда до самой ночи. Въ большой компании накры-
Объ- вались столы въ несколько рядовъ. Подъ Госу-
ды. даря занимали мѣсто брачья его или Миниро-
политъ; далѣе Вельможи и чиновники, между
коими угощались иногда и простые воины,
отличные заслугами. Въ срединѣ, на высо-
комъ столѣ, сіяло множество золотыхъ со-
судовъ, чашь, кубковъ и проч. Первымъ
блюдомъ были всегда жареные лебеди. Раз-
носили кубки съ Мальвазіею и съ другими
Греческими винами. Государь въ знакъ мило-
сти самъ къ пѣкопорымъ посыпалъ кушанье:
тогда они всипавали и кланялись ему; дру-
гие также всипавали, изъ учтивости къ
нимъ: за что надлежало ихъ благодарить
особенными поклонами. Для сокращенія вре-
мени гости могли свободно разговаривать
другъ съ другомъ. Бесѣды веселыя, благо-
чинныя безъ принужденія, нравились Васи-
лію. Съ иноземцами говоривалъ онъ за обѣ-
домъ весьма ласково; называлъ ихъ Монар-
ховъ великими; желая, чтобы они, упру-
женные дальнимъ путешѣствіемъ, насладились въ
Москвѣ опдохновеніемъ и собрали новыя си-
лы для пуши обращнаго; предлагалъ имъ во-
просы, и проч. «Когда мы» (пишетъ Фран-
цискъ да-Комо, Посоль Максимилиановъ)
«ночью возвращались домой изъ Кремля, все
«улицы были освещены такъ ярко, что
«ночь казалась днемъ»... — Сверхъ даровъ,
Посламъ ежедневно оппускалось въ изобилии

все для нихъ пужное ; считалось за обиду, г. если они что нибудь покупали. Приспавы^{1555.} смотрѣли имъ въ глаза, опровергнувъ за малыши неудовольствіе сихъ почтенныхъ гостей.

Василій такъ же , какъ и родицель его , Ти- назывался только Великимъ Княземъ ^{для тутъ}. Россіи , употребляя съдующій штиуль въ спошенихъ съ Державами иноzemными : « Ве- « ликій Государь Василій, Божію милостию « Царь и Государь всея Руси и Великій Князь « Владимирскій , Московскій , Новогородскій , « Псковскій , Смоленскій , Тверскій , Югорскій , « Пермскій , Вятскій , Болгарскій , и иныхъ ; « Государь и Великій Князь Новагорода Ни- « зовской земли , и Черниговскій , и Рязанскій , « и Волоцкій , и Ржевскій , и Бѣльскій , и Ро- « сповскій , и Ярославскій , и Бѣлозерскій , и « Удорскій и Обдорскій , и Кондинскій , и « иныхъ » . » Іоанинъ на предложеніе Имира- пора , дать ему Королевское достопочество , отвѣтствовалъ , какъ мы видѣли , гордо ; а Василій на такое же предложеніе Папы Ле- она X не отвѣтствовалъ ни слова , во- преки баснямъ иноспранныхъ Писателей , которые думали , что наши Великіе Князья издревле домогались Королевскаго штиула.

Слѣдя во всемъ Іоанину , Василій старался Ино- привлекать иноzemцевъ полезныхъ въ Россію . ^{земцы въ Монголіи} Кроме людей искусствыхъ въ дѣлѣ воинскомъ , онъ первый изъ Великихъ Князей имѣлъ Нѣмецкихъ лекарей при Дворѣ . Мы упоминали

Г. о Люевѣ и Феофилѣ: сей послѣдній былъ
1533. Любчанинъ, взятый въ пленъ Воеводою Са-
буровымъ въ Липѣ. Магистрь Прусскій
ходатайствовалъ о свободѣ его; по Великій
Князь сказалъ, что сей Немецъ лечитъ од-
ного изъ нашихъ Вельможъ и долженъ преж-
де возвратить ему здоровье, а послѣ тре-
бовать отпуска въ свою землю³⁴⁶: Волею
или неволею Феофиль оспался въ Москву,
гдѣ находился и претій знаменитый ле-
карь, родомъ Грекъ, именемъ Марко, коего
жена и дѣти жили въ Царѣградѣ. Султанъ
писалъ къ Великому Князю: «Отпусти Мар-
ка къ его семейству; онъ захалъ въ Рос-
сію единственно для торговли;» но Госу-
дарь отвечалъ: «Марко гздавна служилъ
«мнѣ добровольно, и лечиши моего Нового-
«родскаго Намѣсника; пришли къ нему
«жену и дѣтей³⁴⁷.» Иноzemцамъ съ умомъ и
съ дарованіемъ легче было тогда вѣхапть
въ Россію, нежели выѣхать изъ нее.

Зако-
ны. Василій издалъ многіе законы для внуши-
репяго благоустройства государства своего,
которые, вмѣстѣ съ Уложеніемъ отца его,
вошли въ Судебникъ Царя Иоанна Василіевича.
На примѣръ, сей Великій Князь уста-
вилъ, чтобы владѣльцы Тверскіе, Оболе-
скіе, Бѣлозерскіе и Рязанскіе не продавали
отчинъ своихъ житѣлямъ другихъ обла-
стей; чтобы наследники людей, отказанав-
шихъ имъ монастырямъ, не выкупали
онаго, если въ завѣщаніи не дано имъ право
на сей выкупъ, и проч.³⁴⁸. Жалованная Смо-

лensкая грамота велитъ Намѣстникамъ от- Г.
даватъ всякое поличное испытъ, искоре- 1553.
нить ябедниковъ и немедленно освобождать
судимаго, представишающаго надежныхъ по-
рукъ; дозволеніе мѣщанамъ безъ явки ру-
бить лѣсъ около города; запрещаетъ Боя-
рамъ кабанишь вольныхъ людей и держать
корчмы; опредѣляетъ пошлину судную, ма-
ровую, брачную, стадную, убойную³¹⁰, и по-
казываетъ намъ погданиюю многосложную,
запущенную, мелочную систему казенныхъ
доходовъ, изобрѣтеннуу въ вѣки невѣже-
спива. Важное и любопытное судное поста-
новление сдѣлано было Василіемъ въ Новъго-
родѣ: узнавъ, что Намѣстники и Тіуны кри-
вляютъ душою въ рѣшиї пяжбы, онъ ве-
льть избраний шамъ 48 Цѣлевальниковъ или
Прислужныхъ, съ тѣмъ, чтобы сіи люди, до-
стойные общаго уваженія, по очереди суди-
ли весь дѣла съ Тіунами³⁸⁰. Для чего не рас-
просиралъ онъ споль мудраго и благодѣ-
тельнаго учрежденія на все Государство?
Можетъ быть, другіе Россіане еще не имѣ-
ли довольно гражданскаго ума и навыка: они
молчали, а Новгородцы, воспомниая спари-
ну, жаловались и требовали. Самодержавіе
не мышало Государю дать лучшимъ граж-
данамъ участіе въ судномъ правѣ. — Либо-
писцы хвалили еще Василія за утвержденіе
пишины и безопасноснин въ Новъгородѣ: онъ
учредилъ шамъ пожарную и ночную спражу;
вельть, какъ и въ Москвѣ, замыкать ввече-

Г. ру улицы рогатками, и совершенно прекратили воровство. Лишевые способы жить кражею и злодействами, негодники ушли или обратились къ шрудолюбію, выучились ремесламъ и сдѣлались людьми полезными³⁸¹.

Строенія. При семъ Великомъ Князѣ построены четыре важныя крѣпости съ каменными стѣнами: въ Нижнемъ Новѣгородѣ, Туле, Коломенѣ и Зарайскѣ; первую спроилъ Петръ Фрязинъ: она еще цѣла. Конишу и Чернеговъ укрѣпили только валомъ и деревянными башнями. Въ Москве Фрязинъ Алевизъ обложилъ Кремлевскіе рвы кирпичемъ и выкопалъ нѣсколько прудовъ въ предмѣстіяхъ³⁸². Въ Новѣгородѣ, опустошенному пожарами, чиновники Великокняжеские размѣрили улицы, площади, ряды на образецъ Московскихъ³⁸³. — Изъ храмовъ, созданныхъ Василіемъ, донышъ существующій въ Москве Кремлевская церковь Св. Николая Гостунского (на томъ мѣстѣ, где была деревянная) и Дѣвичій монастырь, основанный въ знакъ благодарности ко Всевышнему за взятие Смоленска. Государь изъ собственной казны своей оплатилъ на то 3000 рублей (около шеснадцати тысячъ нынѣшнихъ), кроме дворцовыхъ селъ и деревень, данихъ сему монастырю³⁸⁴. Главнымъ спроишельемъ церковнымъ былъ тогда Фрязинъ Алевизъ Но-сий. Довершивъ храмъ Михаила Архангела, Василій (въ 1507 году) перенесъ туда гро-

бы своихъ предковъ, и самъ назначилъ себѣ г. могилу подъ родинелемъ³⁶³. Соборъ Успенскій¹⁵⁵³. былъ (въ 1515 году) украшенъ живописью, чудною и споль искусною, говорятъ Лѣтописцы, что Великій Князь, Святыи и Бояре, вспнувшись въ церковь, сказали: «мы «видимъ небеса!» Между иконописцами славился Россіанинъ, Федоръ Едикеевъ, кошо-рый расписывалъ церковь Благовѣщенія, соединенную съ новымъ, великолѣпнымъ двор-цемъ, куда Василій перешель въ Маѣ 1508 году³⁶⁴.

Церковная Испорія Василіева государство- Цер-ванія, кромъ мнимой ереси Максима Грека въ исправленіи священщихъ книгъ, предста- вляепъ не много достопамятныхъ случаевъ. Уже давно мощи Алексія Митрополита, по сказанію Лѣтописцевъ, исцѣляли недужныхъ; но въ 1519 году были священныи обрядомъ утверждены во славѣ чудотворенія. Митрополитъ Варлаамъ донесъ Государю, что многіе слѣпцы, съ усердіемъ лобызая раку Алексія, прозрѣли. Собралось все Духовенство и несметное число людей при колокольномъ звонѣ. Объявили чудеса и доказательства опыхъ. Пѣли молебенъ надъ святымъ гробомъ: Великій Князь, обливаясь слезами уми-ленія, первый поклонился опому и восхвалилъ милость Неба, которая во дни его царствова-ванія открыла второй источникъ благодати и спасенія для Москвы. Свѣтило праздновали сей день, и Св. Алексій, въ народномъ мнѣ-

Г. шії, спалъ на ряду съ древнимъ Московскимъ Угодникомъ Божіимъ, Митрополитомъ Петромъ⁵⁵.

1533. Не малымъ соблазномъ для Духовенства и мірянъ была тогдашняяссора Архіепископа Новгородскаго, Серапиона, съ Св. Іосифомъ Волоцкимъ, за то, что сей послѣдній съ монастыремъ своимъ опложился онь его вѣдомства къ Митрополіи⁵⁶. Великій Князь въ гнѣвѣ лишилъ Серапиона Епархіи, и Новгородцы, 17 лѣтъ не имѣвъ Священеля, съ радостію встрѣтили наконецъ знаменитаго Макарія, бывшаго Архимандрита Лужковскаго, согласно съ древнимъ обычаемъ поспавленнаго къ нимъ въ Архіепископы. Лѣтописецъ ихъ славитъ сie время какъ счастливѣйшее для его отчизны, гдѣ, молишивами ревносѣнаго Пастыря, вселилась нишина, сопутствующая здравіемъ людей, обліемъ и веселіемъ. Макарій первый учредилъ общежительство въ монастыряхъ Новгородскихъ и пѣмъ умножилъ вездѣ число Иллюковъ, доспавивъ имъ способъ жить безпечно: ибо прежде каждый изъ нихъ имѣлъ свое хозяйство, соединенное съ заботами. Строгій въ наблюденіи благочинія, онъ вывелъ Игуменовъ изъ всѣхъ женскихъ монастырей и далъ Июкиямъ Наспоятельницъ; опищался иакже усердіемъ къ лѣпотѣ церковной: сдѣлалъ въ Софії, на мѣсто обвенчальныхъ, новыя богатыя Царскія двери и великолѣпный амвонъ: расписалъ стѣны, обновилъ ико-

ны, между которыми древиѣйшиа были Греческія: Спасителя и Апостоловъ, Петра и Павла, устроеныя (какъ сказано въ лѣтописи) изъ золота и серебра. — Въ первыѣ годы Макаріева Архіепископства Лапландскіе Поморяне, обитавшіе близъ устья рѣки Нивы и Кандалажской Губы, прислали спартышина къ Великому Князю, моля его дать имъ ученикѣй Христіанскихъ; а Государь велѣлъ Макарію отправить туда Софійскаго Іероя съ Діакономъ, которые просвѣтили жителей истинною Евангельскою. Чрезъ не сколько лѣтъ еще отдаленнѣйше дикари, Лапландцы Кольскіе, изъявили Макарію желаніе креститься, и съ великимъ усердіемъ приняли Священниковъ. Такъ Россіяне, отъ самыхъ древнихъ временъ до новѣйшихъ, на саждали Вѣру Спасителеву, не употребляя ни малѣйшаго принужденія. Но сіи люди полу дикие, уже вѣруя во Христа, еще держались спартыхъ обычаевъ: въ Пятивъ Вопской, въ Ижерь, около Иванягорода, Ямы, Копорья, Ладоги, Невы, до Каяніи п. Лаплан діи, на пространствѣ тысячи верстъ или болѣе, народъ еще обожалъ солнце, луну, звѣзды, озера, песочинки, рѣки, лѣса, камни, горы; имѣть жрецовъ именуемыхъ Арбуями, и ходя въ церкви Христіанскія, не измѣняль и кумирамъ. Макарій, съ дозволенія Государева, послалъ туда умнаго Монаха, Илію, съ наставицельною грамотою къ жите лямъ, которые, увѣряя его въ путь рев-

Г. пости къ Христіанству, говорили, что они
1553. не смыютъ коснуться своихъ идоловъ, хра-
нимыхъ ужасными духами. Илія зажегъ ми-
мые льса священные, бросилъ въ воду ку-
миры, удивилъ пародъ, и проповѣдіо Слова
Божія довершилъ торжество Христіанства.
Лѣтописецъ сказываетъ, что пятильтніе
младенцы помогали сему добродѣтельному
Іноку сокрушать мольбница идолопоклонни-
ковъ³⁵⁹. — Замѣтимъ, что не только Чудъ,
но и самые Россіи въ XVI вѣкѣ еще
усердно слѣдовали нѣкоторымъ языческимъ
обыкновеніямъ. Житіе Псковской области
24 Іюля праздновали день Купала : собирали
правы въ пустыняхъ и въ дубравахъ съ
какими-то суевѣрными обрядами, а ночью
веселились, били въ бубны, играли на сопе-
ляхъ, на гудкахъ ; молодыя жены, девицы
плясали, обнимались съ юношами, забывая
спыдь и цѣломудріе : о чёмъ ревностный
Игуменъ Елеазаровской Обители, старецъ
Памфілъ, съ укоризною писалъ къ На-
мѣстнику и сановникамъ Пскова въ 1505
году³⁶⁰.

Угнетеніе игомъ невѣрныхъ и бѣдо-
стію, Духовенство Греческое, какъ и прежде,
искalo упышенія и благодѣяній въ Рос-
сіи. Константинопольскій Патріархъ Фео-
ліппъ (въ 1518 году) присыпалъ къ намъ
Янинскаго Митрополита Григорія съ Аѳон-
скими Июками, чтобы разжалобить Вели-
каго Князя описаніемъ ихъ печальпаго состоя-

нія. Благословляя Христіанскую добродѣтель Россіянъ, они выѣхали изъ Москвы съ 1553. богатыми дарами. Будучи въ дружбѣ съ Султаномъ, Государь и самъ послалъ милостыню въ Гречію съ своими чиновниками.

При Василіи (въ 1509 году) бытъ церковный Соборъ въ Литовской Россіи, въ Вильне: Духовенство наше не имѣло участія въ ономъ. Кіевскій Митрополитъ Іосифъ съ семью Епископами успавили тамъ весьма строгіе законы для нравственности Священниковъ, взявъ мѣры, чтобы мірская власть не вмѣшивалась въ права Духовной. Дѣлія сего дослопамяшнаго Собора свидѣтельствуютъ, что Церковь Греческая пользовалася тогда въ Литвѣ свободою, независимостію, и была върною коренимъ уставомъ Православія³⁶¹.

Въ 27 лѣтъ Василіева государствованія Раз-
Россія испытала немалая физическая бѣд-
ствія: отъ 1507 до 1509 года свирепство-
ствія. опь 1507 до 1509 года свирепство-
вала язва съ железою въ Новгородѣ, и въ
одну осень скончено было 15,000 человѣкъ;
зимою въ 1512 году во многихъ областяхъ
люди умирали кашлемъ; въ 1521 и 1532 го-
ду было во Псковѣ ужасное повѣтріе, опь
коего все государственные чиновники разбрѣ-
жались, и которое миновалось, по извѣстію
Лѣтописцевъ, опь употребленія Святой во-
ды, присланной Архіепископомъ Макаріемъ,
Великимъ Княземъ и Митрополитомъ. Тогда
же и въ Новгородѣ умерло болѣе тысячи

Г. жителей отъ прыщей³⁶². Были чрезвычай-
1535. ныя засухи: пишущъ, что лѣтомъ въ 1525
году около четырехъ недель солнце и луна
не показывались на небѣ ошь густой мглы;
что въ 1555 году отъ 29 Іюня до Сентября
не упало ни одной дождевой капли на
землю; что болота и ключи изсохли, леса
горѣли: солнце пусклое, багровое, скрывалось
за два часа до заходженія; люди въ день
не распознавали другъ друга въ лице и за-
дыхались отъ дымного смрада; пушечест-
венные, плавашеми не видали пушки; пищи
не могли парить въ воздухѣ³⁶³. На прошливъ
того лѣтомъ въ 1518 году недель пять
шли непрестанно сильные дожди: рѣки вы-
ступили изъ береговъ; поля залились водою;
прервалось сообщеніе между городами и се-
лами. Великій Князь торжественными мо-
лебствіями старался умилостивить небо:
Дворъ и народъ поспились³⁶⁴. — Общий не-
урожай въ 1512 году произвелъ неслыхан-
ную дороговизну: бѣдные умирали съ голо-
ду³⁶⁵. Въ Сентябрѣ 1515 года Москва имѣла
недоспакокъ въ хлѣбѣ: не льзи было ку-
пить ни четверти ржи. Въ 1525 году все
съѣсное продавалось шамъ въ десять разъ
дороже обыкновенаго³⁶⁶. — Лѣпощцы жа-
ляются на частные пожары (обвиняя въ томъ
учрежденіе пороховыхъ заводовъ): въ Москвѣ,
Исковѣ, особенно въ Новѣгородѣ, гдѣ (въ
1508 году) самыя каменные палаты распа-
дались отъ силы огня и сгорѣло 5314 чело-

въкъ³⁶⁷. — Явление трехъ Кометъ (отъ 1531 г. до 1533 года) во всей Россіи приводило народъ въ ужасъ³⁶⁸.

Описавъ дѣянія и случаи сего времени, Великое со-
напомнимъ Читателю, что оно, будучи до-
стопамятое для Россіи благоразуміемъ ея кре-
Правленія, славно въ летописяхъ Европы^{ники} Васи-
ко-первыхъ рѣдкимъ собраніемъ Вѣнценосцевъ левы.
знаменитыхъ дѣлами и характеромъ, со-
вторыхъ важнымъ Церковнымъ преобразо-
ваніемъ. Не многіе вѣки хвалятся такими
Государями *современными*, каковы были Макси-
миліанъ, Карлъ V, Людовикъ XII, Фран-
цискъ I, Селімъ, Соліманъ, Генрикъ VIII,
Густавъ Ваза : можемъ прибавить къ нимъ
и Папу Леона X, и врага нашего, Сигизмун-
да. Всѣ они, за исключеніемъ Англійскаго и
Французскихъ Королей, находились въ сно-
шеніяхъ съ Василіемъ, ихъ достойнымъ со-
временникомъ; всѣ имѣли умъ и дарованія
отличныя. Но была ли счастлива Европа ?
Видимъ, какъ обыкновенно, необузданность
властолюбія, зависій, козни, битвы и бѣд-
ствія: ибо не одинъ умъ, но умъ и страсти
дѣйствующіе на юсантъ міра. Ужасаемая мо-
гуществомъ Османской Имперіи, волну-
емая бореніемъ Франціи съ силами Испаніи Рас-
и Австріи, Европа въ пюже время была по-
трясена Церковнымъ мятежемъ, который^{коль} Ают-
скоро сдѣмался государственнымъ. Уже Ду-
ховная власть, или Папская, очерпенна мно-
гими злоупотребленіями, давно слабѣла въ

Г. Западныхъ Державахъ , по упорствовала въ
1553. своихъ гордыхъ преобразияхъ , и не хотѣла
обратиться къ испинскому Духу Христіан-
ства, вопреки уснѣхамъ просвѣщенія. Яви-
лся бѣдный Ивокъ, Мартина Лютеръ, коопо-
рый, свергнувъ съ себя монашескую одежду,
и держа въ руку Евангеліе , смыть назвать
Папу Анихристіомъ: уличалъ его въ обма-
нахъ, въ корыстолюбіи , въ искаженіи Свя-
тыни, и не смотря на Церковныя клятвы,
Соборы и гнѣвъ Карла V , основалъ новую
Вѣру, хотя также на Евангельскомъ учениѣ,
но съ оправданиемъ многихъ важныхъ , зна-
чительныхъ обрядовъ , введенныхъ въ са-
момъ началѣ Христіанства и безъ сомнѣнія
полезныхъ: ибо люди имѣющіе не только
разумъ , но и воображеніе, не менѣе первого
действующее на сердце. Обнаживъ Богослу-
женіе , лишивъ оное торжественности , и
какъ бы закрывъ для мысли небо, куда взоръ
и духъ молящихся устремляются отъ вели-
чія Олтарей, отъ шанированного священ-
подѣйствія Литургіи , сей рѣшительный
преобразователь удовольствовался одною
правственою проповѣдью; окказалъ еще бо-
льше ненависти къ Риму , нежели усердія къ
Сіону ; ссылаясь единственно на Христа и
Апостоловъ , не подражалъ имъ въ кромпо-
сти: подвергая Догматы Церкви суду ума ,
говорить языккомъ спасителей, и лишивъ Па-
пу Духовной власти во многихъ земляхъ Гер-
маніи, въ трехъ Сѣверныхъ Королевствахъ,

въ бывшихъ владѣніяхъ Нѣмецкаго Ордена и г.
въ Ливоніи, самъ представлялъ лице началь-
ника Церковнаго, обязанный своимъ торже-
ствомъ не фанатизму народному, а земнымъ
расчетамъ Правителей: удерживая имя Хри-
стіанъ и Святыню Евангелия, новымъ Ис-
повѣданіемъ они свергали съ себя иго зави-
симости отъ гордаго, взыскательнаго, ко-
рыстю побиваго Рима; присоединили дани и
ношни Церковныя къ своимъ доходамъ, и
могли въ дѣлахъ совѣстніи уже не бояться
Духовнаго запрещенія. Многіе полкователи
всемірныхъ происшествій говорятъ о Лю-
теранской Вѣрѣ какъ о великомъ благодѣя-
ліи для человѣчества: она неоспоримо спо-
собствовала успѣхамъ просвѣщенія и лучшей
правсправленности, соединеної съ оними; по
первымъ ея стѣдствіемъ были кровопроли-
тія и новыя Секты Христіанскія, отчасти
вредныя для самыхъ Правительствъ и спо-
койствія гражданскаго^{зго}. Генрихъ VIII, на-
писавъ книгу противъ Лютера, самъ послѣ-
дователь его примѣру: оставилъ Римское Испо-
вѣданіе и сдался Главою Англиканскаго, свя-
завъ оное крѣпкимъ узломъ съ пользою Коро-
левской власти, и давъ себѣ во ино удовле-
творять своему гнусному любострастію пе-
ремѣною женъ. Однимъ словомъ, если враги
Латинской Церкви справедливо винили ее
въ невѣроности къ испинному Христіанству,
то и ревностные Католики по совѣсти мог-

ли винить ихъ въ лицемъріи, въ обманахъ и
въ беззаконії.

Сія важная перемъна Церковная не укрылась отъ вниманія нашихъ современыхъ Богослововъ: обѣ ней разсуждали въ Москвѣ, и Грекъ Максимъ написалъ *Слово о Лютеровой ереси*, где, не хваля мірскаго властолюбія Папы, строго осуждаешь новости въ Законѣ, виупасмъя страстями человѣческими³⁷⁰.